

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 85

Сборник статей

Томск
Издательство Томского государственного университета
2020

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408
П68

Редакторы:

д-р юрид. наук, доцент *Е.С. Болтанова*,
д-р юрид. наук, профессор *В.М. Лебедев*,
д-р юрид. наук, профессор *Г.Л. Осокина*,
канд. юрид. наук, доцент *Н.Г. Галковская*,
канд. юрид. наук, доцент *Г.Г. Пашкова*

П68 Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей / ред. Е.С. Болтанова, В.М. Лебедев, Г.Л. Осокина, Н.Г. Галковская, Г.Г. Пашкова. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2020. – Ч. 85. – 96 с.

ISBN 978-5-94621-672-2

ISBN 978-5-94621-949-5 (отд. кн.)

В сборник включены статьи участников Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (Юридический институт ТГУ, г. Томск, 30 января – 1 февраля 2020 г.). Данное издание имеет разделы по направлениям: гражданское и семейное право; трудовое право и право социального обеспечения; природоресурсное, земельное и экологическое право; гражданский и арбитражный процесс, административное судопроизводство. В каждом разделе исследуются вопросы состояния и развития указанных отраслей права, обобщается практика деятельности хозяйственных субъектов, государственных и судебных органов, вносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших юридических учебных заведений, практикующих работников.

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408

ISBN 978-5-94621-672-2
ISBN 978-5-94621-949-5 (отд. кн.)

© Томский государственный университет, 2020

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

В.А. Гончарова

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ СДЕЛКИ ПРИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ЕЕ ЧАСТИ

По смыслу действующего гражданского законодательства такие способы защиты, как признание сделки недействительной (с обратной силой; на будущее время), признание ничтожной сделки действительной, реституция, возмещение убытков, «иные последствиями недействительности договора» (п. 3 ст. 431.1 ГК РФ), рассчитаны на устранение юридической силы и последствий как всей сделки с пороком, так и ее части (ст. 180 ГК РФ), однако в последнем случае их применение имеет определенные особенности.

Согласно ст. 153 ГК РФ сделки представляют собой действия граждан и юридических лиц, направленные на возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей. Часть сделки, таким образом, может быть определена как часть порожденных ею как правомерным юридическим фактом прав и обязанностей, составляющих желаемую сторонами «часть регулирования»¹.

Для того чтобы сделка была признана недействительной в части и применены последствия ее недействительности, необходимо соблюдение объективного и субъективного условий. При выявлении судом отсутствия хотя бы одного из этих условий признаваться недействительной должна вся сделка.

Соблюдение объективного условия предполагает, что в результате «исчезновения» спорной части сделки ее действительная часть остается актом индивидуального правового регулирования. Аннулирование части сделки не должно затрагивать «базовую» структуру

---

¹ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2018. С. 824 (автор комментария – А.А. Новицкая).

связей сторон, определяющих договорный тип, вид, лишать ее существенных условий (ст. 432 ГК РФ).

Подход к субъективному условию нашел отражение в судебной практике (п. 100 Постановления Пленума ВС РФ № 25 от 23.06.2015). Оно предполагает, что сделка, «устоявшая» в результате оспаривания ее части и выступающая после такого оспаривания полноценным юридическим фактом (соблюдение объективного условия), не стала для сторон навязанной им правовой связью.

Признание части сделки недействительной, как связанное, так и не связанное с применением последствий недействительности, предполагает либо полную утрату юридической силы оспоренной частью сделки либо утрату ею юридической силы с возвращением к законному режиму правового регулирования. Последняя ситуация относится, например, к утрате юридической силы части завещания, при которой наследование спорной части имущества будет осуществляться правилами наследования по закону, норм об ответственности, в случае, когда законом не допускается ее уменьшение¹, и т.д.

Нарушение прав и законных интересов добросовестных участников сделки лишь ее частью (ст. 166 ГК РФ), необходимость установления субъективного и объективного условий, возможность возврата к законному режиму регулирования предопределяют своеобразие признания части сделки недействительной и делают возможным его квалификацию в качестве отдельной разновидности признания сделки недействительной.

Возможным последствием недействительности части сделки может быть и «актуализация договорного условия, согласованного на случай недействительности сделки»².

Можно заключить, что применение предусмотренных законом способов защиты участников недействительной сделки имеет определенные особенности, состоящие в необходимости соблюдения объективного и субъективного условий.

---

¹ Подобные минимальные ограничения установлены, в частности, в транспортном законодательстве (см., напр., ст. 97 УЖТ), в законодательстве об участии в долевом строительстве многоквартирных домов (см. ч. 2 ст. 6 ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»).

² Сделки, представительство, исковая давность... С. 850 (автор комментария – А.А. Новицкая).

А.Г. Горелкин, И.В. Васильев

НЕДОСТАТОК МЕДИЦИНСКОЙ УСЛУГИ: КОЛЛИЗИЯ ЧАСТНОПРАВОВОГО И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Сфера охраны здоровья охватывает широкий круг разнородных правоотношений, требующих и разных регулирующих подходов, как частноправовых, так и публично-правовых. Медицинское законодательство¹ регулирует как гражданско-правовые отношения между медицинской организацией и пациентом (медицинское вмешательство), так и административные правоотношения между государственными органами и медицинской организацией (лицензирование, контроль качества медицинской деятельности).

Наряду с понятиями медицинской услуги и медицинского вмешательства, имеющими гражданско-правовое (частноправовое) значение, специальное законодательство оперирует понятиями медицинской помощи и медицинской деятельности, выражающие по своей сути административный (публично-правовой) подход в регулировании сферы охраны здоровья. При этом медицинская услуга входит составной частью в определение медицинской помощи, которое, в свою очередь, входит в понятие медицинской деятельности. Поэтому не случайно на практике эти разные по своему содержанию понятия зачастую используются в качестве синонимов. Однако наиболее существенное практическое значение эта неоднозначность понятий приобретает в определении недостатка медицинской услуги.

Согласно гражданскому законодательству² под недостатком услуги, в частности, понимается несоответствие услуги обязательным требованиям, предусмотренным законом либо в установленном им порядке. Однако, исходя из гражданско-правового содержания понятий услуги³ и недостатка услуги⁴, следует, что эти обязательные

---

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

² Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей».

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей».

⁴ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей».

требования касаются непосредственно самого действия (медицинского вмешательства) или комплекса действий (комплекса медицинских вмешательств), охватываемых заданием заказчика по договору. В то же время в юридической практике часто встречаются случаи, когда гражданско-правовое понятие «недостаток услуги» подменяется иным административно-правовым понятием – дефектом качества и безопасности медицинской помощи (медицинской деятельности). Например, в качестве недостатка медицинской услуги могут рассматриваться недостатки ведения медицинской документации, или отсутствие предусмотренного порядком оказания медицинской помощи оборудования, или отсутствие у лечащего врача действительного сертификата по соответствующей специальности. Другими словами, нарушение административных требований в подобных случаях может рассматриваться в качестве основания для установления недостатка гражданско-правовой услуги, в том числе и в случае надлежащего исполнения самого обязательства по договору.

С применением к гражданским правоотношениям норм иного отраслевого законодательства (административного) согласиться нельзя. Само по себе отступление от установленных публично-правовых требований, совершение административного правонарушения не означает автоматически, что услуга оказана некачественно, т.е. с недостатком.

Квалификация недостатка медицинской услуги требует конкретизации неблагоприятных последствий для имущественных или личных неимущественных прав пациента (потребителя) с установлением причинно-следственной связи между действием (медицинским вмешательством), охватываемым предметом договора, и этими последствиями.

И.В. Грушевский

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОДИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Трансграничный характер международного частного права предопределяет его динамичное развитие, что требует детального прогнозирования с учетом иностранного опыта. На основе изложенного представляет интерес опыт закрепления отношений, подпадающих

под действие автономных кодификаций международного частного права республик бывшего СССР.

Предмет регулирования Закона Украины о международном частном праве определяется через такие формулировки, как «порядок урегулирования частноправовых отношений», «вопросы, которые возникают в сфере частноправовых отношений с иностранным элементом». Сами частноправовые отношения определяются как отношения, основанные на юридическом равенстве, свободном волеизъявлении и имущественной самостоятельности, складывающиеся между физическими и юридическими лицами (ст. 1), т.е. методе координации¹. К вопросам, возникающим в сфере трансграничных частноправовых отношений, относятся определение применяемого права и вопросы процессуальные. Перечня частноправовых отношений Закон не содержит.

В Законе о международном частном праве Грузии (ст. 1) критерий, определяющий сферу действия, сводится к указанию на наличие иностранного элемента. Как пишут Н.Ю. Ерпылева и И.В. Гетьман-Павлова, «...предметная сфера очерчена максимально широко – любые отношения, связанные с иностранным правопорядком. Упоминание о частноправовом характере таких отношений отсутствует...»². С точки зрения юридической техники отсутствие указания на конкретную область применения закона затрудняет определение рамок его применения. Однако общее содержание и смысл закона позволяют сделать вывод, что он применяется к гражданским, семейным, наследственным, а также гражданским процессуальным отношениям (указание на характер рассматриваемых дел отсутствует).

Как и в Грузии, предмет регулирования Закона Эстонии о международном частном праве сводится к указанию на наличие иностранного элемента без полного закрепления признаков фактических общественных отношений. Общее содержание и смысл закона позволяют сделать вывод, что он применяется к гражданским и семейным правоотношениям.

---

¹ См. об этом: Гражданское право : в 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева. М. : РГ Пресс, 2010. 1008 с. Доступ из ЭПС «Система ГАРАНТ».

² Ерпылева Н.Ю., Гетьман-Павлова И.В. Кодификация международного частного права в Республике Грузия // Международное право и международные организации. 2012. № 2. С. 44–75. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Закон Азербайджанской Республики о международном частном праве при определении предмета регулирования использует термин «гражданско-правовые отношения», так как в данный закон не были кодифицированы не только процессуальные нормы, но и коллизионные нормы, регулирующие семейные и трудовые отношения.

Сфера применения международного частного права в российском законодательстве регламентируется ст. 1186 ГК РФ – оперирует термином «гражданско-правовые отношения». Таким образом, можно сделать вывод о том, что это отсылочная норма к перечню и характеристике отношений установленным в абз. 1 и 3 п. 1, а также в п. 2 ст. 2 ГК РФ. Используемая законодателем в ст. 1186 ГК РФ формулировка «гражданско-правовые отношения» позволяет избежать необходимости дублирования норм ст. 2 в ст. 1186 ГК РФ. Считаем необходимым использование термина «правоотношение» и в п. 1 ст. 414 КТМ РФ. Развитие российского законодательства по международному частному праву в рамках межотраслевой кодификации позволяет более детально устанавливать сферу применения норм международного частного права.

Д.Е. Зацепин

ЗАЛОГ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Залог является одним из самых востребованных способов обеспечения обязательств.

В отличие от иных видов залога, которые могут сочетать в себе элементы вещных и обязательственных правоотношений, залог обязательственных прав по законодательству Российской Федерации имеет исключительно обязательственную природу. При этом данному виду залога присущи отдельные признаки абсолютного правоотношения: право следования, возможность залогодержателя принимать меры по защите предмета залога от нарушений со стороны третьих лиц; право преимущественного удовлетворения требований залогодержателя за счет предмета залога; распространение залоговых требований на имущество, заменяющего первоначальный предмет залога.

Естественное исчерпание стоимости заложенного права вследствие его исполнения или же ее исчезновение с прекращением этого права не вредит залогодателю, поскольку в этом случае, согласно п. 5 ст. 358.1 ГК РФ, залогодержатель по общему правилу не может требовать досрочного исполнения основного обязательства. Полагаем целесообразным закрепить за залогодержателем такое право, предусмотренное ст. 351 ГК РФ, в случае исчезновения предмета залога, что существенно повысит эффективность залога обязательственных прав.

Отсутствие императивно установленной законом обязанности залогодателя по уведомлению своего должника о состоявшемся залоге права (требования) создает неопределенности в отношениях участников залогового правоотношения и третьих лиц. Закрепление такой обязанности в ГК РФ, а также возможность признания залога недействительным при ее несоблюдении будет способствовать установлению стабильности и баланса интересов указанных участников правоотношений.

Нельзя считать находящимися в залоге денежные средства, полученные залогодателем от своего должника, пока они не будут особым способом выделены из массы однородного имущества путем открытия отдельного залогового счета. В противном случае требование залогодержателя об уплате данных денежных средств в свою пользу залоговым преимуществом не пользуется. Существующая редакция п. 4 ст. 358.6 ГК РФ порождает неясность при определении предмета залога денежных требований, а потому нуждается в корректировке: в случае реализации залогодержателем положений п. 2 ст. 358.6 ГК РФ (получение от залогодателя денежных средств, выплаченных должником по заложенному праву требования) в качестве общего правила должно быть предусмотрено наличие залогового счета.

В случаях противодействия залогодателя оперативность внесудебных способов обращения взыскания на предмет залога может быть сведена к нулю: все равно появляется необходимость обращения в суд. Положения п. 3 ст. 358.8 ГК РФ необходимо изменить и предоставить залогодержателю право обратиться взыскание на заложенное требование путем одностороннего волеизъявления во внесудебном порядке с уведомлением об этом залогодателя, как это ранее было закреплено в п. 5 ст. 28.1 утратившего силу Закона «О залоге».

Для предотвращения злоупотреблений со стороны залогодержателей в этом случае следует предусмотреть обязательность нотариального удостоверения соглашения, предусматривающего такой способ реализации предмета залога (либо договора о залоге, содержащего такое условие).

К.С. Зиновьев

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РИСКОВ, СВЯЗАННЫХ С ПРОИЗВОДНЫМИ ФИНАНСОВЫМИ ИНСТРУМЕНТАМИ

Одним из признаков производных финансовых инструментов является наличие риска. Как правило, понятие риска связывают с опасностью (возможностью) возникновения различных негативных последствий и убытков. Предпринимательская и иная приносящая доход деятельность всегда связана с риском, который заключается не только в вероятности потерпеть убытки, но и в вероятности получить прибыль.

Предприниматель, заключая любую сделку, имеет определённые цель и мотив её заключения. Это не синонимичные понятия, поэтому необходимо отделять мотив сделок и цель их совершения. Целью большинства сделок будет являться конкретный хозяйственный эффект. Мотивом предпринимательской сделки всегда будет получение прибыли. Возможность получения прибыли всегда будет связана с риском. Можно ли, исходя из указанных выше доводов, считать все сделки, заключаемые в процессе предпринимательской деятельности, алеаторными? Алеаторными сделками будут только те, где риск является составляющим сам предмет (часть предмета) договора. Традиционно к таким сделкам относят сделки по страхованию и сделки в виде производных финансовых инструментов. Эти сделки в равной степени содержат обязанности уплачивать денежные суммы в зависимости от обстоятельства, относительно которого неизвестно, наступит оно или не наступит. Однако между ними есть и существенные различия. Для деривативов отсутствует наличие в качестве цели определённого хозяйственного или компенсационного эффекта.

Единственная цель – это получение прибыли за счёт предположения о характере каких-либо будущих процессов. Фактически этот вид договоров превратился в договоры пари, где стороны предполагают угадать факт и размер повышения или понижения рыночной цены на базисный актив (или иной показатель) относительно той, которая указана у них в договоре. В отличие от пари, в отношении деривативов ст. 1062 ГК РФ указывает не только возможность государственного регулирования, но и возможность судебной защиты.

Можно ли вообще считать такие договоры предпринимательскими? Каковы же будут критерии оценки рисков, позволяющих определить, когда производный финансовый инструмент будет особым предпринимательским договором, права по которому подлежат судебной защите, а когда обычной сделкой пари. Отсутствие общепользуемой цели является внутренним мотивом для законодателя в отказе защиты требованиям, возникающим из игр и пари.

Для того чтобы деривативы не рассматривались как сделки пари без их дальнейшей судебной защиты, необходимо установить, что эти контракты заключаются в целях защиты от инфляции, в целях оптимизации распределения хозяйственных рисков, а не в целях удовлетворения личных неимущественных потребностей. Когда мотивом использования производных финансовых инструментов является психологическая потребность в заключении подобных сделок, без учёта разумного характера этой деятельности, можно говорить о невозможности причисления их к обычным предпринимательским договорам.

Для отделения производных финансовых инструментов от игры и пари необходимо применять понятие так называемого предпринимательского риска. Предпринимательский риск должен носить разумный характер и основываться на достаточной осмотрительности. Предположения о будущем изменении показателей, лежащих в основе конкретного дериватива, должны основываться на данных, позволяющих объективно (хотя и при наличии риска) предположить возможность в будущем положительной динамики таких изменений.

С практической точки зрения здесь не видится каких-либо препятствий. В настоящее время суды уже способны оценивать степень разумности рисков при осуществлении предпринимательской деятельности (ст. 53.1 ГК РФ), в том числе и при рассмотрении дел о несостоятельности, банкротстве.

Е.А. Козьякова

К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ПАЦИЕНТАМ В ХОДЕ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Особенности гражданско-правовой ответственности медицинских организаций за вред, причиненный пациентам, обусловлены различным правовым регулированием отношений по оказанию медицинской помощи.

В случае, когда медицинская помощь оказывается пациенту в форме медицинской услуги (платной либо в рамках обязательного или добровольного медицинского страхования), данные отношения имеют гражданско-правовую природу и регулируются положениями гл. 39 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) «Возмездное оказание услуг». При оказании медицинской помощи лицу, находящемуся в бессознательном состоянии и не могущему выразить свое согласие на медицинское вмешательство в силу объективных причин, к отношениям между пациентом и медицинской организацией применяются положения гл. 50 ГК РФ «Действия в чужом интересе без поручения». Отношения, возникающие между медицинской организацией и пациентом при оказании медицинской помощи без согласия пациента или его законного представителя (п. 2–5 ч. 9 ст. 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»), имеют административно-правовую природу.

Исходя из различий в правовом регулировании отношений по оказанию медицинской помощи, будет различной и гражданско-правовая ответственность медицинских организаций.

Так, за вред, причиненный пациенту в процессе оказания медицинской помощи без его согласия, а также пациенту, находящемуся в бессознательном состоянии, медицинская организация несет гражданско-правовую ответственность по основаниям, предусмотренным ст. 1064 ГК РФ, т.е. при наличии вины. При этом обязанность по представлению доказательств отсутствия вины в недолжном оказа-

нии медицинской помощи лежит на медицинской организации, а не на пациенте. Привлечение к гражданско-правовой ответственности именно медицинской организации, а не ее работников как лиц, непосредственно оказывающих медицинскую помощь, основано на положениях ст. 1068 ГК РФ.

В том же случае, когда медицинская помощь оказывается пациенту в форме медицинской услуги, медицинская организация несет обязанность по возмещению причиненного пациенту вреда независимо от наличия либо отсутствия своей вины по основаниям, предусмотренным ст. 1095 ГК РФ.

При этом, учитывая разъяснения, содержащиеся в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», положения ст. 1095 ГК РФ об обязанности исполнителя услуги возместить пациенту вред, причиненный его жизни, здоровью или имуществу вследствие недостатков услуги, распространяются не только на отношения по оказанию платных медицинских услуг, но и на отношения по оказанию медицинских услуг в рамках обязательного и добровольного медицинского страхования.

Медицинская организация может быть освобождена от обязанности по возмещению пациенту причиненного ему в процессе оказания медицинской услуги вреда только в случае, если докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или нарушения пациентом установленных правил пользования результатами услуги (ст. 1098 ГК РФ). К случаям нарушения правил пользования результатами услуги можно отнести невыполнение пациентом предписаний и рекомендаций врача, установленного режима приема лекарственных средств, постельного режима и т.д.

ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА КОМПЕНСАЦИИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРСОНАЖА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Нормы части четвертой не позволяют однозначно ответить на вопрос о том, как следует определять размер денежной компенсации за незаконное использование персонажей художественных произведений. В частности, как следует рассматривать незаконное использование охраняемого персонажа при производстве и распространении товаров, на которых он может быть воплощен – как одно нарушение или как несколько нарушений.

В подобных делах Суд по интеллектуальным правам исходил из того, что незаконное использование как части произведения, являющегося самостоятельным результатом творческого труда, выраженным в объективной форме, так и нескольких его таких частей, означает нарушение исключительного права на произведение в целом, т.е. одно нарушение исключительного права, и оно служит основанием для однократного привлечения к ответственности¹. Позиция же Верховного Суда РФ в подобного рода делах более взвешенная. Отменяя соответствующие судебные акты, Верховный Суд РФ исходил из того, что в них отсутствует судебная оценка того обстоятельства, с помощью которого можно сделать однозначный вывод о том, являются ли спорные персонажи объектом авторских прав, в отношении которых допущено нарушение².

Впоследствии Верховный Суд РФ сформулировал свою позицию по данному вопросу более однозначно в виде презумпции «единого нарушения», т.е. незаконное использование персонажа является

---

¹ См.: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26.08.2014 № С01-615/2014 по делу № А45-13982/2013; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 08.10.2014 № С01-948/2014 по делу № А50-21004/2013 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. Версия Проф. М., 2019.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.06.2015 № 309-ЭС14-7875 по делу № А50-21004/2013 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. Версия Проф. М., 2019.

нарушением исключительного права на произведение в целом, если не доказано, что эта часть произведения является самостоятельным объектом охраны. Таким образом, правообладатель, обратившийся в суд за защитой исключительного права на персонаж как на часть произведения, должен доказать и обосновать, что такой персонаж существует как самостоятельный результат интеллектуальной деятельности¹, обладает теми же признаками, что и произведение в целом. А это значит, что в отношении таких персонажей возникает тот же объем прав, что и в отношении самого произведения, которые могут осуществляться автором или иным правообладателем самостоятельно. Окончательно по данному вопросу Верховный Суд РФ высказался в апреле 2019 г.², закрепив в своих позициях критерий «узнаваемости», благодаря которому персонаж становится узнаваемым даже при его использовании отдельно от всего произведения в целом.

Задача суда при разрешении подобных споров заключается в том, чтобы выделить такой персонаж из состава произведения и дать ему самостоятельную правовую оценку. Это позволяет ответить на вопрос, возникают ли в отношении конкретного персонажа самостоятельные авторские права или же авторское право на произведение является единым. Решение этого вопроса имеет практическое значение: в зависимости от того, как будет квалифицирован персонаж – как часть произведения, которая не является самостоятельным результатом творческого труда, либо как обособленный объект, охраняемый по правилам п. 7 ст. 1259 ГК РФ, будет исчисляться размер компенсации за нарушение исключительного права на соответствующий объект (п. 3 ст. 1252 ГК РФ).

---

¹ См.: Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, п. 9. Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. Версия Проф. М., 2019.

² См.: О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, п. 82: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10.

ФУНКЦИИ СЕМЕЙНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧИЯ

Функция права в общем виде состоит в регулировании той или иной области общественных отношений путем применения норм права, относящихся к данной сфере. Это указывает на первоочередную функцию права вообще как на функцию нормативно-правового регулятора общественных отношений. В научной среде функции права понимаются довольно однозначно, исследования на данную тему проводились такими учеными, как О.В. Пискунова, М.И. Байтин¹, В.Н. Хропанюк, Т.Н. Радько², С.С. Алексеев и др.

М.И. Байтин считал, что на функции права необходимо смотреть с точки зрения общечеловеческой и классовой природы, а также социального назначения права. К функциям права ученый относит основные направления его воздействия, включая нормативно-правовое регулирование, воспитательное, духовное и культурное воздействие.

Вопрос об определении функций гражданского права и функции семейного права как отраслей права является дискуссионным. В первую очередь не утихают споры относительно самостоятельности семейного права. Соответственно, и взгляды на функции семейного права могут быть различны. Автор исходит из утверждения, что семейное право представляет собой самостоятельную отрасль российского права.

Функции семейного права можно рассматривать в нескольких плоскостях, определяемых широтой угла зрения: во-первых, в рамках правового воздействия; во-вторых, только в границах правового регулирования. В первом случае под функциями семейного права следует понимать основные направления правового воздействия на общественные отношения, складывающиеся в семейной сфере, осуществляемые с помощью специально-юридических, информационных, ценностно-ориентационных форм и средств в целях укрепления института семьи, создания необходимых условий для реализации семьей ее функций и повышения качества жизни семьи.

---

¹ Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное понимание на грани двух веков). М., 2005. 351 с.

² Радько Т.Н., Толстик В.А. Функции права. Н. Новгород, 1995. 106 с.

Говоря о функциях гражданского права, исследователи считают, что они представляют собой обусловленное товарно-денежной формой и задачами государства воздействие гражданско-правовых норм на имущественные отношения и связанные с ними личные неимущественные отношения в определенных направлениях.

Классификация функций права относится к теоретическим вопросам методологии права. Т.Н. Радько предлагал классифицировать функции права на общеправовые, межотраслевые, отраслевые в зависимости от систем права, правовых норм и правовых институтов. Также функции права исследователем классифицировались на основные и неосновные. К основным функциям предлагалось относить охранительную, регулятивную, экономическую, политическую и воспитательную, поскольку основные направления правового воздействия на социум связаны с экономикой, политикой, воспитанием, правовым регулированием и охраной. Неосновные функции права – это ограничительная, компенсационная, экологическая, информационная и восстановительная.

В науке гражданского права одни ее представители выделяют, как и в теории права, регулятивную и охранительную функции¹, другие говорят о наличии у гражданского права функции организации и функции защиты², третьи же отмечают такие функции, как компенсационная, восстановительная или восстановительно-компенсационная³.

Исследователи выделяют следующие юридические функции семейного права как отрасли права: регулятивную, охранительную, восстановительную, воспитательную⁴.

На наш взгляд, восстановительная функция может быть включена в состав охранительной и рассматриваться в контексте способа правовой защиты института семьи, предусматривающего восстановле-

---

¹ Суханов Е.А. Функции гражданского права // Гражданское право: Общая часть : учебник. Т. 1 / отв. ред. Е.А. Суханов. М. : ВолтерсКлувер, 2007. С. 48–49.

² Рыженков А.Я. Компенсационная функция в гражданском праве. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1983. С. 35–39.

³ Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву // Избранные труды. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. Т. 1. С. 203–205.

⁴ Левушкин А.Н., Левушкина А.А. Понятие, правовая природа и система функций семейного права как отрасли права // Российская юстиция. 2013. № 1. С. 18–21.

ние родителей в своих правах в отношении детей. Не усматривается целесообразности лишь из-за возможности восстановления родителей в своих правах классифицировать еще одну, дополнительную функцию семейного права.

Автором в публикации обосновывалась идея о выделении еще одной функции семейного права – превентивной, которая заключается в предупреждении и пресечении неблагоприятных последствий как прекращения брачно-семейных отношений (2-месячный период для возможности примирения супругов перед разводом), так и социальная работа, направленная на выявление и предупреждение семей, находящихся в социально неблагополучном положении¹.

Д.В. Пятков

КОГДА ПРЕКРАЩАЕТСЯ ГРАЖДАНСКАЯ ПРАВОСПОСОБНОСТЬ? (ДВА ПОХОДА К ПОНИМАНИЮ СТ. 17 ГК РФ)

Замечено, специалисты дословно помнят содержание ст. 17 ГК РФ. Однако на мой вопрос, когда прекращается правоспособность гражданина, не сомневаясь, отвечают: с момента его смерти. Между тем в ст. 17 ГК РФ нет ответа. Определен момент возникновения правоспособности – момент рождения; о смерти сказано только, что она является причиной прекращения правоспособности – прекращается смертью. К слову, об этой причине даже не сказано, что она *непременно* повлечет прекращение правоспособности.

Что же движет юристами, когда они связывают прекращение правоспособности с моментом смерти? Проблема в понятии лица, в частности, физического лица. В нашей юриспруденции общим стало понимание правоспособности как свойства физического лица, а физическое лицо рассматривается как человек. Без человека не может быть физического лица, а исчезновение последнего делает невоз-

---

¹ Матвеев П.А. Классификация функций семейного права РФ // Юридический вестник КубГАУ. 2012. № 1 (10). С. 28; Он же. Превентивная функция семейного права. Понятие и сущность // Закон и право. 2011. № 7. С. 49–53.

возможным существование правоспособности. Ответ на вопрос о моменте прекращения правоспособности определен тождеством человека и физического лица. Образуется оппозиция: правоспособность – физическое лицо (человек).

Между тем формулировка, которую мы видим в ст. 17 ГК РФ, использовалась в советской и досоветской юриспруденции, а для последней тождество человека и физического лица было еще проблемой. Проблемным является это тождество и для западной юриспруденции¹, а в римской юридической традиции оно просто исключается. Одно из решений этой проблемы содержится в трудах Е.Н. Трубецкого, Г.Ф. Шершеневича, но особенно последователен Н.Л. Дювернуа². Он считал возможным заявлять, что лицо в праве – это гражданская правоспособность. О тождестве человека и физического лица при таком взгляде на правоспособность не может быть и речи, скорее надо говорить о тождестве лица и правоспособности. Образуется оппозиция совсем другого вида: человек – физическое лицо (правоспособность).

Значит ли это, что в момент смерти никаких изменений в правоспособности не происходит? Некоторые возможности, составляющие содержание правоспособности, неизбежно прекращаются в момент смерти (например, избирать место жительства). Другие имеют смерть только причиной своего прекращения (например, иметь имущество на праве собственности). Третьи способны сохраняться без ограничения срока (иметь права авторов результатов интеллектуальной деятельности, например, право авторства и право на имя). Статью 17 ГК РФ следует понимать так, что смерть прекращает правоспособность, но не обязательно в один момент и в полном объеме.

Предлагаемое понимание ст. 17 ГК РФ хорошо объясняет феномен банкротства умерших граждан; позволяет избавить кредиторов умерших граждан от необходимости предъявлять иски к их имуществу (п. 2 ст. 1174 ГК РФ, п. 3 ст. 1175 ГК РФ); обнаруживает непоследовательность законодателя, который, теряя из виду умершего человека, теряет вместе с ним и физическое лицо, объявляет объек-

---

¹ См., напр.: Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 16–30.

² Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1: Введение. Учение о лице. М., 2004.

том защиты авторство и имя умершего человека, а не право авторства и не право на имя, которые были объектом защиты прежде его смерти (ср., например, абз. 3 п. 2 ст. 1228 ГК РФ и п. 1 ст. 1251 ГК РФ). Утрата человека для Н.Л. Дювернуа и некоторых других классиков не вызывает потерю правоспособности с абсолютной необходимостью, поскольку субъект права никогда не тождествен человеку и его можно помыслить как элемент правового отношения после ухода человека из отношения общественного.

Е.С. Терди

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ДОГОВОРНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ О ЕФРС

Обеспечение эффективной защиты договорных прав-преимуществ требует распространения на них традиционного для отечественного правопорядка способа защиты преимущественных прав (иска о переводе прав и обязанностей по договору на обладателя преимущества). Это допустимо только при условии создания механизма придания публичности информации о договорных правах-преимуществах, позволяющего исключить добросовестность третьих лиц, приобретших имущество с нарушением установленного договором в его отношении преимущественного права. Договорные преимущества в отношении недвижимости предлагалось регистрировать в ЕГРН, а полномочия по регистрации уведомлений о заключении договора об установлении в отношении движимого имущества преимущественного права предоставить нотариусам¹. Согласно пп. «к» п. 2 ст. 1 ФЗ от 12.11.2019 № 377-ФЗ «О внесении изменений

---

¹ См.: Величко В.Е., Терди Е.С. Французская модель договорных преимущественных прав // Правоведение. 2017. № 1. С. 70–93; Они же. Договорные преимущественные права и специфика их защиты: опыт Германии и перспективы реформы Гражданского кодекса России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 157–169; Velichko V., Terdi E. Contractual Preemptive Rights: Russian Doctrine and European Tradition in the Context of Russian Civil Code Reform // Russian Law Journal. 2019. № 7 (1). P. 119–137.

в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ст. 7.1 ФЗ от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – ФЗ), вступившая в силу 01.01.2013, была дополнена положениями, согласно которым с 01.04.2020 в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (далее – ЕФРС) можно будет внести, в частности, сведения о наличии права на обратный выкуп имущества, в том числе имущественного права, переданного по договору, и об ограничении прав собственника (владельца) вещи, установленном договором. Анализ ст. 7.1 ФЗ не позволяет однозначно судить о том, какие сведения могут быть внесены в ЕФРС. С одной стороны, согласно п. 2 ст. 7.1 ФЗ, ЕФРС представляет собой федеральный информационный ресурс, формирующийся посредством внесения в него сведений, предусмотренных федеральными законами. Отсюда следует, что если сведения не указаны в законе в качестве подлежащих внесению в ЕФРС, то они в нем размещаться не могут. С другой стороны, согласно п. 10 ст. 7.1 ФЗ, препятствием для внесения в ЕФРС сведений является не их характер, а лишь отсутствие электронной подписи у лица, их размещающего, или невнесение оплаты их размещения.

В силу эффекта противопоставимости размещенных в ЕФРС сведений подобная неопределенность будет иметь негативные последствия. Если определенно не установить принцип *numerus clausus* сведений, вносимых в ЕФРС, транзакционные издержки на выяснение того, внесено ли то или иное сведение в ЕФРС, будут неоправданно велики. В этом контексте возникает частный вопрос о том, можно ли будет включить в ЕФРС сведения о предоставленном договором преимущественном праве, не являющемся правом обратного выкупа. Если перечень сведений, подлежащих внесению в ЕФРС, признавать исчерпывающим, возникает вопрос, почему в него включено только одно преимущественное право (право обратного выкупа) и проигнорированы остальные. С другой стороны, в ФЗ не разъясняется содержание понятия «сведения об ограничении прав собственника (владельца) вещи, установленном договором». В принципе любое преимущественное право создает подобное ограничение, а потому сведения о нем подлежат внесению в ЕФРС. При таком толковании, с точки зрения правил законодательной техники, перечень

сведений, подлежащих внесению в ЕФРС с 01.04.2020, нельзя назвать логично сформулированным, так как он содержит и более узкое (право обратного выкупа), и более широкое по содержанию (ограничения права собственника (владельца) вещи) понятия одновременно.

Е.В. Ткаченко

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНО-ИНФРАСТРУКТУРНОГО ДОГОВОРА В КОРРЕЛЯЦИОННОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ПЕРЕВОЗОЧНЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВОМ

Для обеспечения перевозки необходимо провести различные вспомогательные операции. Например, по железнодорожно-инфраструктурному договору в местах отправления, перемещения и назначения объектов перевозки оказываются определенные инфраструктурные услуги, в рамках которых оказываются соответствующие вспомогательные операции. В частности, среди таких операций: 1) обеспечение выставления подвижного состава независимого перевозчика на железнодорожный путь; 2) в пути следования осуществление руководства диспетчерским управлением движения поезда; 3) на промежуточных станциях проведение маневровых работ по замене локомотива, отцепке (прицепке) вагонов.

То есть можно заключить, что по железнодорожно-инфраструктурному договору инфраструктурное действие призвано обеспечить нормальное осуществление перевозочного действия. Кроме того, перевозочный процесс обеспечивается проведением инфраструктурного процесса. Также цель инфраструктурного и перевозочного процессов одина – доставить до пункта назначения пассажира, груз, багаж, грузобагаж, порожний грузовой вагон.

В железнодорожно-инфраструктурном договоре на первоначальной стадии инфраструктурного процесса можно выделить следующий ряд основных операций: 1) согласование технических и технологических возможностей осуществления перевозки с владельцами

других инфраструктур; 2) прием и передача железнодорожного подвижного состава независимого перевозчика на железнодорожные пути общего пользования; 3) формирование поезда с использованием технических средств железнодорожных станций; 4) внесение оплаты за оказание услуг инфраструктуры; 5) оформление перевозочных документов (в частности, независимым перевозчиком дорожной ведомости, владельцем инфраструктуры натурального листа поезда). На завершающей стадии инфраструктурного процесса, когда объект перевозки прибыл до пункта назначения, возникает необходимость совершения иных операций, в частности, перерасчет стоимости оказанных услуг, исходя из фактически предоставленного объема на основании дорожной ведомости и натурального листа поезда.

В железнодорожно-инфраструктурном правоотношении целесообразно выделить следующие специальные признаки: 1) одной из сторон данного правоотношения должен быть независимый перевозчик; 2) инфраструктурные правоотношения складываются по поводу эксплуатации железнодорожной магистральной сети, сопровождения диспетчерского управления перевозкой, проведения маневровых работ на промежуточных станциях; 3) инфраструктурные правоотношения способствуют исполнению перевозочного правоотношения.

Мы полагаем, что транспортное и инфраструктурное обязательство следует относить как общее с частным. Необходимо отметить, что перемещение осуществляется различных объектов перевозки, в том числе порожних вагонов. Сам железнодорожно-инфраструктурный договор следует отнести к транспортно-вспомогательному договору, по нему оказывается комплекс соответствующих услуг, чтобы обеспечить перевозочный процесс разовый или на систематической основе.

Транспортно-вспомогательная функция железнодорожно-инфраструктурного договора заключается в том, что он необходим для выполнения некоторых фактических операций, совершение которых обеспечивает перевозку. Предмет транспортно-вспомогательных договоров – совершение транспортных операций в рамках инфраструктурной услуги.

М.Г. Чуприн

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ НОРМ
ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О КОНТРАКТНОЙ
СИСТЕМЕ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ,
УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД**

Вопрос о соотношении публичных и частных интересов в правовом регулировании и соотношении частного и публичного права можно назвать одним из ведущих в юридической науке. Проблема разграничения частного и публичного является не только областью теоретических знаний, но и всё большую актуальность приобретает на практике, о чем свидетельствует обширная судебная практика. Однако, основная цель статьи не в изучении теории оснований разделения частного и публичного права, а в использовании полученных в ходе этих исследований результатов для определения соотношения частного и публичного права в законодательстве о контрактной системе.

Особенность правового регулирования, субъектный состав, наличие государственного и муниципального интереса заставляют взглянуть на законодательство о контрактной системе как на совокупность норм частного и публичного права. Наличие двух типов правового регулирования неминуемо может привести к ситуации, когда одни интересы возобладают над другими, поэтому, как отмечают с В.А. Рыбаков и А.Г. Демиева, там, где происходит переплетение публичных и частных интересов и образование пограничных сфер, где активно взаимодействуют нормы публичного и частного права, так важно в законодательной и правоприменительной практике учитывать и обеспечивать тесное и оптимальное взаимодействие частного и публичного права¹. Компромисс или баланс общественного и частного интересов, по мнению В.А. Белова, – вот идеальная модель

---

¹ Рыбаков В.А., Демиева А.Г. Вопросы конвергенции частного и публичного права в сфере регулирования предпринимательских отношений // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 74.

регулирования общественных отношений¹. Достижение равновесия интересов всех сторон, участвующих в закупках товаров работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, представляется одним из важнейших начал правового регулирования контрактной системы.

Проявление баланса частного и публичного права весьма наглядно демонстрируют правоотношения органов государственного власти с частным капиталом, где преобладают нормы гражданского права. Значимость норм Гражданского кодекса Российской Федерации подчеркнута в ст. 2 Федерального закона от 5 апреля 2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон 44-ФЗ), которая называет его основой законодательства о контрактной системе.

Выделение гражданского права в качестве базиса контрактной системы имеет огромное практическое значение, потому как иная её надстройка в виде норм права, содержащих отдельные положения, регулирующие порядок осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, должна не столько соответствовать положениям Закона 44-ФЗ, сколько зиждиться на общих началах гражданского законодательства.

Рассуждение о типах правового регулирования контрактной системы приводит нас к выводу о том, что в силу объективных причин частное право – это неотъемлемый элемент структуры законодательства о контрактной системе, без которого невозможно представить обеспечение государственных и муниципальных нужд в условиях свободных рыночных отношений.

А.Ю. Чурилов

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ПРОГРАММ ДЛЯ ЭВМ

Компьютер не может работать без определенного набора инструкций. Эти инструкции и содержит программное обеспечение

---

¹ Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. 1: Введение в гражданское право : учебник. М. : Юрайт, 2011. С. 35.

(программы для ЭВМ). Отечественный законодатель определяет программу для ЭВМ как представленную в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения.

Самым распространенным режимом охраны компьютерной программы является охрана нормами *авторского права*. В частности, на программы распространяется режим охраны литературных произведений.

Определение творческого характера программного обеспечения может вызвать определенные трудности. Если творческий характер рассказа или пьесы можно обнаружить в самом повествовании, то ответ на вопрос, в чем заключается творческий характер кода программы, может вызвать некоторые сложности. Творческий характер при создании программы для ЭВМ проявляется в создании особых алгоритмов или последовательностей операций, поскольку для их создания требовались творческие усилия автора или коллектива авторов, а также и сама архитектура программы, в том случае, если она представляет собой выдающийся результат творческого труда.

Ключевая проблема состоит в том, что ни в доктрине, ни в судебной практике не выработано единого подхода, что же является «выражением идеи», а что является «идеей» для определения охраноспособности программы для ЭВМ. Эта проблема возникла не в последнюю очередь потому, что программа для ЭВМ, несмотря на то, что охраняется в качестве литературного произведения многими правовыми актами, таковым на самом деле не является – это технологическая разработка, посредством которой компьютер может выполнять присущие ему функции.

Программное обеспечение само по себе не может быть запатентовано независимо от новизны и изобретательского уровня кода программы. Законодательство исключает из сферы патентной компьютерные программы в случае, когда компьютерные программы «как таковые» являются предметом патентной заявки. Для потенциальной возможности получения патента на программу для ЭВМ изобретение должно включать в себя техническое устройство, которое управляется этим программным обеспечением. Этой практики в настоящее время придерживаются и в Америке. Так, одним из тестов

на патентоспособность программы в США является тест «устройство-или-трансформация», суть которого состоит в том, что патент на программу может быть выдан только в случае, если она связана с определенным устройством либо с ее помощью происходит трансформация объекта в другое состояние.

Для охраны исходного кода программы для ЭВМ также допустимо использовать *режим коммерческой тайны*. Преимущество охраны программного обеспечения в рамках этого режима заключается в том, что коммерческую тайну может составлять информация, отдельные элементы которой являются общеизвестными и, следовательно, неохраноспособными в качестве объектов авторского или патентного права, но в совокупности они представляют собой определенную коммерческую ценность.

Для того чтобы программное обеспечение могло составлять коммерческую тайну, необходимо соблюдение следующих условий: исходный код программного обеспечения не должен быть известен широкому кругу лиц; должен обладать экономической ценностью; должен охраняться как коммерческая тайна, т.е. должны быть приняты меры по его охране.

А.С. Шерстяных

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ РАЗМЕРА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ АКТОМ (СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД)

Согласно законодательству РФ жертвам террористического акта (или их семьям) от имени государства выплачивается единовременное пособие в качестве компенсации. В некоторых случаях этого может оказаться недостаточно, поскольку люди, пострадавшие от теракта, могут нуждаться в длительной медицинской помощи и различных реабилитационных мероприятиях (санаторно-курортное лечение, протезирование, различные восстановительные процедуры и пр.) Моральный вред также может заключаться в нравственных переживаниях по поводу произошедшего события, невозможности

поддерживать привычный уровень достатка и комфорта, потери семьи, а также в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий.

В соответствии с законодательством Российской Федерации определение размера денежной компенсации морального вреда возлагается на усмотрение суда. Конечно же, предоставленная судам самостоятельность в указанном вопросе является весьма важным условием подтверждения принципа справедливости судопроизводства, поскольку позволяет рассмотреть не только фактические обстоятельства, при которых был причинен моральный вред, но и оценить характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий с учетом его индивидуальных особенностей.

При этом отсутствие единых критериев к определению размера компенсируемого морального вреда приводит к тому, что на практике разброс значений достаточно велик и может достигать до различия в 17 000 раз¹.

В юридической литературе встречаются работы², в которых авторы предлагают системный подход к определению размера денежной компенсации морального вреда, заключающийся в использовании тех или иных универсальных формул. Суть метода заключается в следующем: в зависимости от степени общественной опасности совершенного преступления и причиненного вреда, а также от величины МРОТ рассчитывается базовая сумма возмещаемого морального вреда. Затем авторы предлагают различные коэффициенты, которые позволят учитывать, например, заслуживающие внимания фактические обстоятельства причинения вреда, степень вины потерпевшего

---

¹ Фаст И., Нестеров А., Соколова М. Компенсация морального вреда при причинении вреда жизни и здоровью: практические итоги после 25 лет существования института в РФ : научно-аналитическое исследование. М., 2017. URL: <http://sila-zakona.ru/images/docs/booklet.pdf> (дата обращения: 12.02.2020).

² См., напр.: Табунщиков А.Т. Институт компенсации морального вреда в российском гражданском праве / под ред. С.В. Тычинина. Белгород : Изд-во БелГУ, 2007; Вешкурцева З.В. Компенсация морального вреда при нарушении личных неимущественных прав и при посягательстве на нематериальные блага : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. URL : http://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/veshkurceva-020315/dissertaciya-veshkurceva_z_v_-30_11_2017.pdf (дата обращения: 03.02.2020); Ступина С.А., Шерстяных А.С. Компенсация морального вреда жертвам террористических актов: некоторые аспекты определения размера // Современное право. 2018. № 11. С. 77–85.

(например, в случае, если он проявлял грубую неосторожность в действиях), а также индивидуальные особенности потерпевшего, что позволяет оценить (на основе заключения судебно-психологической экспертизы) степень его нравственных страданий.

Однако при назначении размера компенсации морального вреда суд должен также руководствоваться принципом разумности наказания. Поэтому введение коэффициента учета имущественного положения причинителя вреда является важным условием соблюдения требования разумности и справедливости судебного решения.

Полагаю, что использование унифицированной методики определения размера компенсации морального вреда позволит создать для судей некий единый ориентир, позволяющий систематизировать индивидуальный подход к назначению размера компенсации морального вреда, что будет свидетельством справедливости государственной защиты прав пострадавших.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС; АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

М.А. Боловнев

ПРЕДПОСЫЛКИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ

Так, часто начиная повествование о какой-либо теме, упоминается: «Сегодня Россия переживает этап судебных реформ»¹. Реформы постоянны, общество эволюционирует, развивается и судебная система. Какова цель судебных реформ, их смысл и значение? Можно ответить «громко»: в повышении эффективности правосудия. Хотя истинность ответа зависит от субъекта, его дающего, будь то: законодатель, правоприменитель в лице суда, иные участники процесса. Зачастую же речь идет об упрощении порядка деятельности, формы судопроизводства. Не может реформа быть причиной каждого общественного процесса, словно «заплаткой» в рассуждениях.

Цель происходящих процессуальных и судоустройственных изменений зависит от субъекта юридической деятельности в широком смысле слова. В конечном счете имеет значение лишь защита интересов лица, чьи субъективные права и охраняемые законом интересы нарушены. Повышение эффективности правосудия – сопутствующая последнему категория.

Можно начать достаточно длительную, но, к сожалению, схоластическую дискуссию относительно дефиниции эффективности. Ее в любом случае необходимо провести, но это не самоцель. Во многом интуитивно и не только каждый человек, индивид, понимает, эффективно ли правосудие. Стоит спросить любого прохожего, и многие ответят положительно или отрицательно, но выскажут суждение. Не формула в данном контексте играет превалирующую роль, а реальное положение дел при принятии решения обратиться в судебный

---

¹ См., напр.: Радаева С.В. Юридическая техника как условие повышения эффективности правосудия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 27 с.

орган. Чем меньше обращений, тем, вероятно, в большей степени выполняются задачи гражданского судопроизводства.

Так, одно из дел, которое было возбуждено Троицким районным судом Алтайского края, а на сегодняшний день находится в производстве Автозаводского районного суда г. Тольятти, рассматривается уже более восьми месяцев. Возможно, срок хотя и превышает установленный ст. 154 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ), но не является «рекордным» для судов России. Между тем, дискутируя в отрыве от реальной ситуации о процессуальных действиях, реализации субъективных прав и других процессуальных категориях, мы забываем о том, что вовсе не это главное, а то, что спорное имущество – транспортное средство – почти год находится на улице и не эксплуатируется. Решая подобные коллизии, законодатель стремится внести в процессуальное законодательство изменения, на его взгляд, перспективно направленные. К сожалению, это не всегда так. Повышение состязательности участников, а точнее, усмотрения суда, которое позволит обеспечить искомую состязательность, – залог повышения эффективности. Стремясь к формализму, забывается, что бремя доказывания в силу ст. 56 ГПК РФ возлагается на стороны. В случае если одна из сторон раскрыла все имеющиеся, пусть и косвенные доказательства, представила их в суд и участвует в их исследовании, а вторая сторона за все восемь месяцев ни одного доказательства не представила, дело уже может быть разрешено по существу, притом правильно, как того требует ст. 2 ГПК РФ. Правильность рассмотрения и разрешения дела заключается в оценке доказательств при соблюдении норм процессуального права, но не в попытке суда установить объективную истину.

Несмотря на динамический характер судопроизводства, отмеченный выше, текущий период характеризуется проистекающим реформированием как системы судов, так и процессуального законодательства в целом. Некоторые изменения предложены судебским сообществом. Так, ряд проектов федеральных законов о внесении изменений в отдельные законодательные акты, впоследствии внесенные в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, оформлены постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум ВС РФ).

Многие изменения, безусловно, связаны с оптимизацией гражданского судопроизводства, направлены на упрощение процессуаль-

ной формы. Подобная задача, безусловно, имеет право на существование. Более того, в действующем процессуальном законодательстве появляются новые виды примирительных процедур, что само по себе может сказаться на количестве рассматриваемых дел, если данные нововведения вкупе с задачей гражданского судопроизводства – формирование партнерских деловых отношений – поспособствуют урегулированию многих споров еще до обращения в судебные органы.

Однако упрощение процессуальной формы не должно влечь за собой «усложнение» порядка обращения за судебной защитой. Зачастую для обеспечения эффективности правосудия достаточно корректно реализовывать нормы процессуального права, позволяя субъектам максимально в сжатые сроки добиваться рассмотрения гражданского дела. В свою очередь, формалистский подход ведет не просто к затягиванию сроков обращения в судебные органы, но и ставит под угрозу вынесение законного и обоснованного судебного акта вследствие незакрепления распорядительными актами сведений о фактах и других причинах, связанных с временным отдалением от событий, породивших конфликтную ситуацию.

Правовая определенность в качестве одного из элементов своего режима подразумевает стабильность. Стабильность выражается в идентичном подходе к применению норм процессуального права. *Res Judicata* должен быть своеобразным «стержнем», удерживающим сплав законодательства и практики его применения в период трансформации судебной системы и процессуальной формы. Между тем практика показывает, что суды достаточно неоднородно используют процессуальные нормы, уже устоявшиеся к этому моменту, тем самым порождая новые нюансы обеспечения доступности правосудия. Правосудие может и должно быть «определенным», однако всякая модернизация будет сопровождаться уменьшением эффективности правосудия, если количество рассматриваемых дел будет снижаться по причинам, не зависящим от воли лиц, желающих обратиться за судебной защитой, которая, к слову, во многих случаях им требуется.

Аналитические расчеты, касающиеся эффективности правосудия, не умалятся в случае использования узкого подхода к пониманию категории «правосудие». Так, если последнее рассматривать как деятельность судов, начинающуюся с момента подачи заявления в суд до вынесения итогового акта, которым оканчивается производство по делу, то упускается существенное звено, не позволяющее значе-

нию индекса эффективности отразить реальное положение дел. Следует учитывать, что имеется коэффициент, указывающий на количество дел, производство по которым не началось. Между тем его субъекты реально нуждаются в судебной защите нарушенных или оспариваемых субъективных прав.

Правовая неопределенность ставит под угрозу достижение задач гражданского судопроизводства, в частности, правильного и своевременного рассмотрения дела, что фактически в абстрактной формуле расчета эффективности правосудия умножает частное на коэффициент, равный нулю.

Зачастую эффективна простота, заключающаяся в оптимальности и рациональности совершаемых действий. С.В. Радаева утверждает, что юридическая практика только тогда может быть эффективной, когда деятельность будет осуществляться в определенном порядке, с соблюдением необходимых правил и приемов¹. К сожалению, это не всегда так. Форма деятельности как некая «оболочка», к сожалению, не может предопределить содержание. В противном случае многие правовые проблемы разрешались бы достаточно просто. Напротив, зачастую отступления от процессуальной формы (в случае, если речь идет не просто о юридической деятельности, а конкретно о судебной) при реализации судебской дискреции позволили бы обеспечить повышение такого значимого фактора, как эффективность правосудия.

Как известно, среди задач гражданского судопроизводства называется далеко не только правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дел. Перечисленные задачи ни в коем случае недопустимо рассматривать в качестве факультативных. Помимо своей основной (как бы ни парадоксально звучало) функции, задачи становятся катализатором, показывающим, насколько эффективно правосудие на сегодняшний день. Именно они, а не математические формулы позволяют судить о количестве обращений в суды, количестве и качестве мировых и медиативных соглашений, о том, позволяет ли судебная деятельность предупреждать правонарушение и произошло ли становление и развитие партнерских деловых отношений последующей минимизации количества обращений с тем или иным средством защиты нарушенных прав, что и свидетельствует, исходя из начальных гипотез в данной работе, об эффективности правосудия.

---

¹ Радаева С.В. Указ. соч.

СУДЕБНАЯ МЕДИАЦИЯ & СУДЕБНОЕ ПРИМИРЕНИЕ

В ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» от 26.07.2019 № 197-ФЗ, который вступил в силу с 25.10.2019, основное внимание законодателя сосредоточено на институте примирительных процедур. В рамках данного исследования будет проведен сравнительный анализ медиации как давно известной частной альтернативной процедуры урегулирования спора с вновь появившейся процедурой в виде судебного примирения.

В первую очередь следует отметить, что указанные процедуры *объединяет* то, что они являются разновидностями посредничества¹. Как медиатор, так и судебный примиритель выполняют роль независимых посредников в разрешении конфликтов; они не являются лицами (судьями), принимающими решение. Главная их функция заключается в примирении конфликтующих сторон, а не в вынесении решения в пользу одной из них. Однако *отличие* заключается в том, что процедура судебного примирения может иметь место только в рамках инициированного судебного процесса, в то время как медиация может происходить как до, во время, так и после судебного разбирательства. В этой связи затруднительно судебное примирение рассматривать как альтернативный способ урегулирования спора (АРС), поскольку оно не является в чистом виде внесудебной (альтернативной) процедурой. Медиация и судебное примирение *могут использоваться как независимые и автономные примирительные процедуры* в рамках одного судебного разбирательства, не исключая и не подменяя друг друга² на любой стадии гражданского процесса и при исполнении судебного акта (ч. 4 ст. 153.1 ГПК РФ, ч. 4 ст. 138 АПК РФ).

---

¹ Это следует из буквального толкования ст. 153.3 ГПК РФ, ст. 138.2 АПК РФ, ст. 137.3 КАС РФ.

² Сенен Ф.К. Судебное примирение и медиация как механизмы мирного урегулирования споров в современном гражданском процессе: общие и отличительные черты // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 2. С. 109–114; Лисицын В.В. Помощник судьи – судебный примиритель?!? // Администратор суда. 2016. № 1. С. 16.

Стоит отметить *отличие* в предъявлении различных требований к судебному примирителю и профессиональному медиатору. В соответствии с ч. 3 ст. 153.6 ГПК РФ, ч. 3 ст. 138.5 АПК РФ, ч. 3 ст. 137.6 КАС РФ судебным примирителем может выступать исключительно судья в отставке. Требования к профессиональному медиатору предполагают наличие любого высшего образования и дополнительного профессионального образования по вопросам применения процедуры медиации (ч. 2 ст. 16 Закона о медиации). Вместе с тем следует учесть, что с 25.10.2019 осуществлять деятельность медиаторов на профессиональной основе могут также судьи, пребывающие в отставке (ч. 1.1 ст. 16). *По-разному* формируются и утверждаются списки указанных посредников. Список судебных примирителей формируется и утверждается Пленумом ВС РФ из числа судей в отставке, изъявивших желание выступать в качестве судебного примирителя (ч. 3 ст. 153.6 ГПК РФ, ч. 3 ст. 138.5 АПК РФ, ч. 3 ст. 137.6 КАС РФ). В свою очередь списки судей, пребывающих в отставке и изъявивших желание осуществлять деятельность медиаторов на профессиональной основе, ведутся советами судей субъектов РФ (ч. 1.1 ст. 16 Закона о медиации).

Отталкиваясь от стандартных представлений о профессии медиатора и судьи, можно предположить, что они будут использовать *разные способы, методы и приемы* для содействия сторонам в выработке взаимоприемлемого решения по существу спора. Думается, что медиатор ориентируется, прежде всего, на неформальные способы урегулирования спора, за счет применения знания из области психологии и конфликтологии. Судебный же примиритель будет осуществлять роль так называемого «независимого юриста». Опыт судебной работы поможет ему спрогнозировать правовые способы его мирного разрешения. Тем более, что закон (ч. 5 ст. 11 Закона о медиации) ориентирует нас на то, что медиатор *не вправе* вносить предложения об урегулировании спора (за исключением случаев, если стороны не договорились об ином). Вместе с тем судебный примиритель в силу ч. 1 ст. 14 Регламента проведения судебного примирения *наделен правом* давать сторонам рекомендации в целях скорейшего урегулирования спора. Более того, на основании ч. 1 ст. 16, ч. 4 ст. 17, ч. 2 ст. 19 и ст. 22 указанного Регламента можно прийти к выводу о более инициативной роли судебного примирителя, в отличие от медиатора в примирении сторон.

В качестве еще одного *отличия* выступает разный порядок и условия оплаты труда указанных посредников. В соответствии с ч. 6 ст. 153.6 ГПК РФ, ч. 6 ст. 138.5 АПК РФ, ч. 6 ст. 137.6 КАС РФ порядок и условия оплаты труда судей, пребывающих в отставке и осуществляющих функции судебных примирителей, *определяются Правительством РФ*. Иными словами, *судебное примирение сторонами не оплачивается*. В свою очередь, ч. 2 ст. 10 Закона о медиации устанавливает, что оплата деятельности по проведению процедуры медиации медиатора, медиаторов и организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, *осуществляется сторонами в равных долях, если они не договорились об ином*.

Несмотря на наличие некоторых отличий в порядке проведения медиации и судебного примирения, их *объединяют* общие принципы: добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности (ч. 2 ст. 153.1 ГПК, ч. 2 ст. 138 АПК, ч. 1.1 ст. 137 КАС), а также частные принципы: независимости и беспристрастности посредника (ч. 2 ст. 138.5 АПК, ч. 2 ст. 153.6 ГПК, ч. 2 ст. 137.6 КАС и ст. 3 Закона о медиации). *Общим образом* также определяются результаты примирения лиц, участвующих в деле в результате использования медиации или судебного примирения (ст. 153.7 ГПК РФ, ст. 138.6 АПК РФ, ст. 137.7 КАС РФ).

Н.В. Кляус

НОВЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЛЯ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ, ВСТУПИВШЕГО В ЗАКОННУЮ СИЛУ

Конституция РФ признает и гарантирует судебную защиту прав и свобод (ч. 1 ст. 46). Необходимой составляющей данного права и одновременно гарантией независимости и беспристрастности суда является право на законный суд, закрепленное ч. 1 ст. 47 Конституции РФ. Рассмотрение гражданского дела в федеральных судах общей юрисдикции должно осуществляться с соблюдением законно установленного порядка гражданского и административного судо-

производства, определенного Конституцией РФ (ч. 2 ст. 118), ФКЗ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», ГПК РФ, КАС РФ и принимаемыми в соответствии с ними другими федеральными законами (ч. 1 ст. 1 ГПК РФ, ч. 1 ст. 2 КАС РФ).

Следовательно, пересмотр решения суда, вступившего в законную силу, являющийся дополнительной процессуальной гарантией защиты прав, свобод и законных интересов участников гражданских и административных процессуальных отношений, должен осуществляться не произвольно выбранным, а компетентным (законным) судом, обладающим в соответствии с процессуальным законодательством соответствующими полномочиями по рассмотрению и разрешению конкретного дела с учетом правил подсудности, компетенции, характера судебной инстанции, а также подлежащей применению процедуры пересмотра судебного акта.

ГПК РФ (гл. 42) и КАС РФ (гл. 37) в целях восстановления нарушенных либо оспариваемых прав, свобод и законных интересов заинтересованных лиц, а также в целях обеспечения правовой определенности вступивших в законную силу судебных решений, включая признание действия их законной силы (ч. 2 ст. 13 ГПК РФ, ч. 1 ст. 16 КАС РФ), окончательности и неопровержимости (*res judicata*), устанавливают порядок пересмотра судебных постановлений (актов), вступивших в законную силу по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Согласно п. 3 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ и п. 3 ч. 1 ст. 350 КАС РФ к новым обстоятельствам, являющимся основанием для пересмотра судебных постановлений, относится признание Конституционным Судом РФ не соответствующим Конституции РФ закона, примененного судом *в конкретном деле*, в связи с принятием решения по которому *заявитель обращался* в Конституционный Суд РФ.

Для определения наличия нового обстоятельства на основании указанных законоположений необходимо наличие совокупности следующих условий:

- 1) признание Конституционным Судом РФ не соответствующим Конституции РФ примененного в конкретном деле закона;
- 2) признание неконституционным закона должно быть связано с его применением при решении конкретного дела заявителя;
- 3) по этому делу заявитель обращался в Конституционный Суд РФ.

Таким образом, для судов всех инстанций не может быть произвольным подход к применению установленных ГПК РФ и КАС РФ особых процедурных условий пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений (актов) по новым обстоятельствам. Приведенная правовая позиция обращает внимание федерального законодателя на необходимость внесения в п. 3 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ и п. 3 ч. 1 ст. 350 КАС РФ соответствующих изменений с тем, чтобы зафиксировать единообразный подход в правоприменении и исключить возможные злоупотребления в преодолении правовой определенности, окончательности и неопровержимости вступившего в законную силу судебного постановления (акта).

Д.В. Князев

О ПРИЧИНАХ КРИЗИСА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ США ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI в.

В 1970–1980-х гг. в США разразился кризис судебной системы (litigation explosion), который проявился в кратном увеличении количества обращений в суды, продолжительности рассмотрения дел и судебных расходов сторон. Следует назвать факторы, которые привели к указанному кризису.

1. Правовое регулирование получили новые группы общественных отношений: связанные с защитой прав потребителей, об ответственности продавца за свойства товара, его качество (product liability), связанные с защитой права на благоприятную окружающую среду. Перешли в правовую плоскость специфичные для США конфликты расового и этнического характера. Американское общество осознало возможность защиты таких прав и интересов, а судебная система оказалась, по сути, единственной площадкой для их отстаивания.

2. Изменения в структуре и характере юридической профессии. Практическая юриспруденция превратилась в крупный бизнес. Юридические фирмы нацелены на получение прибыли. Использование современных рекламных техник адвокатами, работающими за гонорар успеха, вызвало мощный поток клиентов, желающих полу-

чить компенсацию. За период с 1980 по 1995 г. расходы юристов только на телевизионную рекламу выросли с 5,5 до 130 млн долл., даже с учетом инфляции цифра впечатляет. Кроме того, юристы сами превратились в инициаторов судебных процессов. Они подыскивают подходящую компанию, которая потенциально могла бы быть ответчиком по коллективному иску, или продукт, который мог бы стать причиной для предъявления такого иска.

3. Специфика судебных расходов. Во-первых, характерная черта гражданского процесса США – «американское правило», согласно которому каждая сторона в судебном разбирательстве самостоятельно несет судебные расходы, независимо от результата процесса. Это правило не является барьером на пути явно необоснованных исков (в отличие от правила «платит проигравший»), американский истец знает, что в случае проигрыша ему не придется оплачивать расходы ответчика. Во-вторых, важнейший аспект американского гражданского процесса – это возможность заключения соглашения о гонораре успеха. Такие соглашения стимулируют судебные тяжбы по незначительным поводам. Кроме того, они генерируют судебные расходы, которые не соизмеримы ни с рисками неудовлетворения иска, ни с объемом работы, выполненной юристом в каждом отдельном случае.

4. Изменение правил обращения в суд. ФПГП 1938 г. ввели уведомительное плидирование (*notice pleading*), которое кардинально облегчило требования к изложению искового заявления и возражений на него. В исковом заявлении необходимо привести лишь «короткое и простое утверждение о требовании, из которого следует, что заявитель имеет право на защиту». Такое упрощение сказалось на количестве обращений в суд.

5. Раскрытие доказательств. Нормы об обнаружении доказательств в ФПГП 1938 г. предлагали максимальное благоприятствование сторонам в поиске нужной информации. Однако вскоре раскрытие доказательств в итоге превратилась в основную причину увеличения расходов сторон в ходе судебного разбирательства и продолжительности рассмотрения дела судом. Наибольшие проблемы, в частности, создают письменные опросы противника с много раз повторяющимися вопросами, истребование широкого спектра документов у противоположной стороны. Стороны используют раскрытие доказательств с целью увеличения расходов оппонента или,

что чаще, лишь как угрозу увеличения таких расходов (риск понести расходы при раскрытии доказательств заставляет противника учитывать возможность их несения при заключении соглашения).

В.А. Кузьмина

ПРАВО ЛИЦ, ПРИВЛЕКАЕМЫХ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, НА ОБЖАЛОВАНИЕ СУДЕБНЫХ АКТОВ, ПРИНЯТЫХ ПО ДЕЛАМ О БАНКРОТСТВЕ

С введением в Федеральный закон № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» главы III.2. «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве» законодатель определил процессуальный статус лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности. Одним из важных правомочий лица, участвующего в деле о банкротстве, является право на обжалование судебных актов. В судебной практике нередки случаи обжалования лицами, привлекаемыми к субсидиарной ответственности, судебных актов, принятых судом в рамках иных обособленных споров; при подаче таких жалоб возникает ряд теоретических и практических вопросов.

В первую очередь необходимо определить, вправе ли вообще такие лица обжаловать судебные акты, принятые судом по рассмотрению иных обособленных споров, не связанных с привлечением к субсидиарной ответственности. Представляется, что лица, привлекаемые к субсидиарной ответственности, могут обжаловать не любой судебный акт, принимаемый по делу о банкротстве, а только тот, который затрагивает их права и обязанности, а именно влияет на изменение размера субсидиарной ответственности. Согласно анализу судебной практики лица, привлекаемые к субсидиарной ответственности, преимущественно обжалуют определения о включении требований кредиторов в реестр требований кредиторов должника.

Во вторую очередь необходимо определить срок, в течение которого лица, привлекаемые к субсидиарной ответственности, могут обжаловать судебные акты по делу о банкротстве. Поскольку заявление о привлечении контролирурующих должника лиц к субсидиар-

ной ответственности подается, как правило, по истечении значительного периода времени после введения процедур банкротства, такие лица начинают активно обжаловать судебные акты, принимаемые в деле о банкротстве, с пропуском срока на их обжалование. Важным моментом для восстановления процессуального срока на обжалование является определение даты, когда лицо узнало или могло узнать о нарушении судебным актом его прав. Представляется неверным подход, согласно которому наличие права лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, на обжалование судебных актов по делу о банкротстве и наличие у них сведений о нарушении их прав обжалуемым судебным актом связывают с подачей в отношении них заявления о привлечении к субсидиарной ответственности. При решении вопроса о восстановлении процессуального срока необходимо тщательно изучать обстоятельства каждого спора, исходить из того, когда разумный и добросовестный руководитель узнал или должен был узнать о наличии необоснованного требования или иного обособленного спора, влияющего на размер его ответственности.

Таким образом, лица, привлекаемые к субсидиарной ответственности, вправе обжаловать судебные акты, принятые в деле о банкротстве. Судебные акты, принимаемые судом в рамках обособленного спора о привлечении к субсидиарной ответственности, лица, в отношении которых подано заявление, вправе обжаловать с момента подачи заявления; при обжаловании таких судебных актов они признаются лицами, участвующими в деле о банкротстве. Судебные акты, принятые судом в рамках иных обособленных споров, лица, привлекаемые к ответственности, вправе обжаловать только в том случае, если судебный акт принят об их правах и обязанностях. В таком случае необходимо соблюсти два условия: судебный акт должен действительно затрагивать права и обязанности подателя жалобы, и лицо должно обратиться в суд с жалобой в предусмотренный законом срок, исчисляемый с того момента, когда ему стало или должно было быть известно об этих обстоятельствах. При этом разумный и добросовестный руководитель в принципе не должен допустить ситуации предъявления к должнику необоснованных требований и предпринять все возможные меры по погашению имеющейся задолженности.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СПОРОВ О ЗАЩИТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В АРБИТРАЖНЫХ СУДАХ

В последние годы споры о защите интеллектуальных прав приобретают всё больший вес в практике арбитражных судов, вывод о чём можно сделать, проанализировав данные единой системы аккумуляции судебных актов – Картотеки арбитражных дел.

В течение последнего года налицо тенденция при общем росте количества рассмотренных арбитражными судами дел в области защиты интеллектуальных прав явное уменьшение (почти в 2 раза) количества дел, пересмотренных СК ВС РФ по существу, и существенное увеличение «отказных» определений (на 90) (таблица).

Споры, связанные с охраной / защитой интеллектуальных прав

Год	1-я инстанция	Апелляция	СИП	ВС РФ пересмотр / отказ
2017	5 897	1 900	740	14 / 238
2018	8 394	2 051	746	14 / 204
2019	12 196	3 141	909	8 / 294

Источник: <http://kad.arbitr.ru/>

Представляется, что изменения в количестве пересматриваемых высшими инстанциями споров связаны и являются непосредственным результатом вынесения постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой ГК РФ», в котором четко разъясняются многие вопросы, касающиеся как реализации на практике материально-правовых норм об интеллектуальном праве, содержащихся в четвертой части ГК РФ, так и процессуального порядка их применения.

Разделом первым данного постановления разъясняется порядок применения большей части спорных процессуальных вопросов. Ключевой является проблема правильного установления подведомственности рассмотрения споров о защите интеллектуальных прав¹.

---

¹ Какой вид судебной инстанции (общей юрисдикции или арбитражный) должен рассматривать соответствующий спор.

Определяющими критериями определения вида судебной инстанции являются характер спора (коммерческий или нет) и состав спорящих сторон. К ведению арбитражных судов относятся споры, имеющие экономический характер, с участием индивидуальных предпринимателей (ИП), юридических лиц либо организаций по коллективному управлению авторскими правами¹. В судах общей юрисдикции рассматриваются не имеющие экономического характера споры об авторстве, размере авторского вознаграждения, защите авторских и смежных прав, кроме прав на фотографии при использовании в сети Интернет².

Однако не все споры об авторстве результата интеллектуальной деятельности рассматриваются судами общей юрисдикции, поскольку ряд споров отнесен независимо от субъекта спора к исключительной компетенции Суда по интеллектуальным правам³. Не всегда состав субъектов спора предопределяет его рассмотрение арбитражным судом⁴.

Особое значение имеют способы изменения подведомственности / подсудности дел о защите интеллектуальных прав. Поскольку в определенных ситуациях истцу выгоднее дело рассматривать в суде общей юрисдикции либо наоборот, необходимо четко разобраться в сложившейся ситуации, для чего могут быть использованы варианты изменения подведомственности / подсудности дела: 1) отчуждение (цессия) принадлежащего лицу исключительного права либо права

---

¹ Согласно п. 2 ч. 6 ст. 27 АПК РФ споры с участием указанных организаций рассматриваются арбитражными судами независимо от того, выступает такая организация в суде от имени правообладателей или от своего имени.

² Если Московским городским судом приняты и не отменены предварительные обеспечительные меры (ст. 144.1 ГПК РФ) при условии, когда участниками споров являются граждане, не имеющие статуса ИП, или неэкономические споры с участием ИП (п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ).

³ См.: Пункт 6 ч. 6 ст. 27, абз. 5 п. 2 ч. 4 ст. 34 АПК РФ и подп. 5 п. 1, абз. 2 п. 2 ст. 1398, а также гл. 73, 75 ГК РФ.

⁴ Во всех случаях, независимо от субъектного состава лиц, участвующих в деле, в арбитражных судах подлежат рассмотрению споры о средствах индивидуализации (за исключением споров о наименованиях мест происхождения товаров). Но к таким спорам не относятся дела, связанные с применением законодательства о защите прав потребителей; о наследовании и о разделе общего имущества супругов, они всегда рассматриваются судами общей юрисдикции.

на компенсацию в порядке гл. 24 ГК РФ (ИП или юридическому лицу); 2) заключение договора исключительной лицензии авторского / исключительного права (ст. 1235, 1236 ГК РФ); 3) передача авторского / исключительного права в доверительное управление (п. 48 постановления Пленума ВС РФ № 10: исходя из положений п. 1 ст. 1233 (распоряжение исключительным правом) в силу п. 1 ст. 1013 ГК РФ (определяет типы объектов доверительного управления); 4) если предъявляется требование к нескольким ответчикам, находящимся в различных местах (регионах), тогда выбор места рассмотрения спора будет зависеть от истца: кого он посчитает указать в качестве основного ответчика, тем самым «привязав» рассмотрение дела к соответствующему региону, в том субъекте РФ и будет рассматриваться спор в первой инстанции.

Л.Н. Плеханова, Ю.В. Дубровская

ТЕНДЕНЦИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ИСКАМ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПАЦИЕНТОВ

Судебная практика по искам о защите прав за последнее десятилетие претерпела существенные изменения, которые не могут быть объяснены соответствующим изменением материального или процессуального права. Так, в частности, в соответствии с Пленумом Верховного Суда РФ от 28.06.2012 года № 17 к отношениям по обязательному медицинскому страхованию (далее – ОМС) стали применяться нормы Закона РФ «О защите прав потребителей», в то время как ранее медицинская помощь в системе ОМС в качестве предмета регулирования названного закона не рассматривалась. Кроме того, судами была предпринята попытка разнообразить средства доказывания нарушений при оказании медицинской помощи посредством назначения по делу не обычных судебно-медицинских экспертиз, а экспертиз качества медицинской помощи. Однако назначение таких экспертиз в страховых медицинских организациях (далее – СМО) или ТФОМС, которые проводят экспертизы качества медицинской помощи в системе ОМС, встретило сопротивление этих субъектов. Препятствием также стало то, что действующее законодательство предусматривает проведение экспертиз качества меди-

цинской помощи только в системе ОМС либо при осуществлении ведомственного государственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности органами Росздравнадзора. При этом формально любая медицинская организация имеет право осуществлять внешнюю экспертизу качества медицинской помощи, получив в уполномоченном органе соответствующую лицензию. Интересный нюанс состоит в том, что СМО и ТФОМС для проведения таких экспертиз лицензия не требуется, что было негативно отмечено ФАС России в одном из своих ежегодных докладов. Результатом вышеизложенной правовой неопределенности является то, что в большинстве случаев суд продолжает основывать решение на заключении судебно-медицинской экспертизы, даже если в материалах дела имеются иные письменные доказательства дефектов медицинской помощи или их отсутствия.

Также стоит отметить, что, в отличие от ранее существовавшей практики, суд стал возлагать на медицинские организации обязанность доказывать надлежащее оказание ими медицинской помощи (а не только отсутствие их вины в наступивших негативных последствиях), фактически освобождая истца от обязанности доказывать наличие соответствующих нарушений. В связи с этим основные судебные расходы при рассмотрении дел по защите прав пациентов (прежде всего, на экспертизу) стали нести ответчики.

Наконец, новейшей тенденцией в судебной практике стало то, что штраф в соответствии с Законом РФ «О защите прав потребителей» в размере 50% от присужденного в пользу пациента стал взыскиваться судом только в том случае, если пациент: 1) обращался к ответчику с досудебной претензией и 2) законность его требований была установлена до подачи иска в суд (результатами вневедомственного или ведомственного контроля, экспертизами СМО, иными досудебными экспертизами и т.п.). При этом ранее суд взыскивал соответствующий штраф даже в том случае, если пациент не только не обращался к ответчику с досудебной претензией, но и не заявлял требование об этом штрафе в иске. Так, авторам статьи известен случай, когда в первом пункте апелляционного определения Новосибирского областного суда было указано об оставлении решения суда первой инстанции без изменения, а во втором – о дополнении этого же решения суда первой инстанции взысканием штрафа в пользу истца, который не заявлял это требование ни при подаче иска, ни при подаче апелляционной жалобы.

Таким образом, можно сделать вывод, что рассмотрение судами дел о защите прав пациентов обладает определенной спецификой среди других категорий потребительских споров, которая учитывается судебной практикой.

И.В. Рехтина

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Категория «правовая определенность» является объектом научных исследований представителей различных отраслей права¹, пристальное внимание к которой в современной доктрине обусловлено ратификацией в Российской Федерации Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., в которой право на правовую определенность гарантируется ст. 6 Конвенции, как часть права на справедливое судебное разбирательство.

Перед современной наукой гражданского процессуального права и правоприменительной практикой сформировались проблемы применения правовой определенности, которые необходимо решить.

1. Категориально-дефинитивная проблема. Отсутствие в тексте Конвенции непосредственно термина «правовая определенность», а также определения понятия «правовая определенность», порождает необходимость осмысления и содержательного наполнения данного явления, а также выработки признаков, критериев и стандартов данного понятия. Отправной точкой в данном вопросе являются правовые позиции Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), который в своих постановлениях дает толкование понятий и категорий, косвенным образом закрепленных в нормах Конвенции. В частности, ЕСПЧ рассматривает право на правовую определенность как часть права на справедливое судебное разбирательство, наряду с

---

¹ См., напр.: Сидоренко М.В. Правовая определенность позиций Европейского суда по правам человека для системы российского уголовно-процессуального права // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 5. С. 6–9; Алексеева Т.М. Пределы действия принципа правовой определенности в надзорном производстве по уголовным делам // Уголовное право. 2015. № 2. С. 99–107.

правом на доступность правосудия, правом на эффективное средство правовой защиты, правом на исполнение судебного акта¹.

В российском законодательстве отсутствует нормативное закрепление данного термина, что порождает дискуссию среди ученых относительно дефиниции, в связи с чем, в доктрине встречаются следующие наименования данного принципа: принцип «правомерных ожиданий», принцип «веры и доверия», «защиты законных ожиданий», «ожидаемого поведения», «определенности закона» и др.

2. Формально-юридическая проблема. Каждое юридическое понятие должно иметь форму выражения и закрепления. При этом возможны три варианта легализации: непосредственное законодательное закрепление, закрепление на уровне официальной судебной практики судов высших инстанций, доктринальное определение понятия. Вопрос первый, на который необходимо ответить: необходимо ли законодательное закрепление дефиниции «правовая определенность»? Вопрос второй: Не обеднит ли законодательное закрепление термина правовой определенности, поскольку практика может варьироваться и изменяться?

3. Проблема содержательного наполнения. Поскольку в практике ЕСПЧ, а вслед за ней и в практике Конституционного Суда РФ правовая определенность рассматривается, а сам термин применяется вкупе с такими категориями, как принцип, требование к законодательству, свойство судебного и иного акта, последствие вступления решения в законную силу, компонент права на справедливое судебное разбирательство и иных, естественным образом возникает вопрос, какое значение правовой определенности является доминирующим. По данному вопросу в науке высказаны разнообразные позиции ученых, которые условно можно сгруппировать в три блока: 1) монистическая концепция (моноконцепция), приверженцы которой выделяют один доминирующий аспект правовой определенности, отражающий главную сущностную характеристику данного понятия; 2) дуалистическая концепция (дуоконцепция), согласно которой правовая определенность имеет двойственную природу, которая позволяет рассматривать данное явление через призму двух аспек-

---

¹ См.: Брумареску против Румынии (Brumarescu v. Romania): Постановление Большой Палаты Европейского суда по правам человека от 28 октября 1999 года (жалоба № 28342/95). URL: <http://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-sudana-russkom-yazyke/brumaresku-protiv-rumynii-postanovlenie-bolshoj-palaty-evropejskogo-suda/>

тов; 3) плюралистическая концепция (поликонцепция), последователи которой не ставят акцент на каком-то одном существенном признаке правовой определенности, а рассматривают их в совокупности и взаимосвязи, делая вывод о многоаспектном характере и эклектичности данного явления, находя подтверждение данному тезису в практической сфере.

Такая вариативность обуславливает необходимость выбрать наиболее обоснованную и наиболее полно отражающую понятие правовой определенности концепцию.

4. Генеалогическая проблема. Фокусировку внимания ученых и практиков на исследовании категории «правовая определенность» традиционно связывают с принятием Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Однако смысловое (косвенное) закрепление категории «правовая определенность» в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и его последующая детализация в постановлениях Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) не свидетельствуют о том, что правовая определенность как самостоятельное явление появилась именно в середине XX в. Тем более не следует связывать момент появления данного понятия с фактом ратификации государствами, входящими в Совет Европы, Конвенции и принятием в отношении государств постановлений ЕСПЧ.

Данное обстоятельство диктует необходимость исследовать генеалогию правовой определенности и элементов, ее составляющих: истоки, развитие, преобразование. Исключительно глубокий исторический экскурс позволит выделить этапы эволюционного развития правовой определенности с момента появления первых источников права до правовых актов современного периода.

5. Правоприменительная проблема. Нарушение правил правовой определенности само по себе не закреплено в нормах ГПК РФ и АПК РФ в качестве оснований для отмены судебного постановления в апелляционном, кассационном, надзорном порядке (ст. 330, 387, 391.9 ГПК РФ). Однако суды проверочных инстанций, используя категорию «правовая определенность» в качестве особого критерия или требования к судебному постановлению, могут констатировать наличие нарушения правовой определенности и квалифицировать его в качестве основания отмены судебного акта.

Также данный критерий может быть применен судом в качестве основания для оставления обжалуемого судебного акта в силе. Отсюда

вопрос: каким образом судам применять критерий «правовой определенности» при отсутствии его нормативного закрепления? Второй вопрос: может ли нарушение исключительно правовой определенности выступать самостоятельным основанием отмены судебного постановления, либо должны наличествовать и иные существенные нарушения?

6. Проблема межотраслевого характера. Поскольку ст. 6 Конвенции не проводит границы между гражданским, уголовным, административным и иными видами судопроизводства, возникает вопрос о специфике применения правовой определенности в различных сферах права, о возможном наделении данного явления отраслевыми особенностями и чертами.

Отраслевые особенности естественным образом вклиниваются в применение правовой определенности и формируют специфику способов и механизма ее обеспечения, игнорирование которых представляется малопродуктивным. Данным обстоятельством обуславливается внимание ученых, представителей различных отраслей права к правовой определенности и ее применению в рамках отдельных секторов национального права¹ с одновременным поиском и разработкой общетеоретических и общеправовых основ².

7. Проблема обеспечительного механизма. Осознание необходимости соблюдения правовой определенности на практике актуализирует вопрос о создании в рамках отдельных отраслей права обеспечительного механизма как совокупности средств и способов, способного и достаточного для формирования режима правовой определенности. Заявленный в нормах Конвенции о защите прав человека и основных свобод стандарт правовой определенности предполагает создание в нормах национального права такого обеспечивающего правовую определенность механизма, который задействует три блока средств (законодательные, правоприменительные, доктринальные), функционирующих во взаимодействии.

При этом организационные и функциональные элементы каждого блока средств и способов находятся в оптимальном балансе и ком-

---

¹ См., напр.: Сидоренко М.В. Правовая определенность позиций Европейского суда по правам человека для системы российского уголовно-процессуального права // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 5. С. 6–9.

² См.: Пресняков М. В. Правовая определенность как системное качество российского законодательства // Журнал российского права. 2009. № 5. С. 14–18.

пенсаторном взаимодействии, при котором возникающие погрешности в функционировании какого-то элемента обеспечительного механизма своевременно восполняются иными элементами механизма, нивелируются или блокируются.

Спектр проявлений «правовой определенности» является многообразным настолько, что можно предположить об отсутствии исчерпывающего перечня его проявлений (аспектов), что периодически подтверждается новыми научными исследованиями, регулярно обновляемой судебной практикой, а также разнообразием общественных отношений. Этим отчасти обусловлены проблемы применения и толкования правовой определенности на практике.

Вариативность правовой определенности позволяет вести речь о данном явлении как своеобразном правовом феномене, разнообразные проявления которого имеют специфические характеристики и содержательно наполняются своеобразными качествами в зависимости от доминирующего аспекта, который применяется в конкретном случае.

А.Н. Романова

ВЛИЯНИЕ ПРЕТЕНЗИОННОГО ПОРЯДКА НА СРОКИ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Введение обязательного досудебного порядка прямо связано с продлением срока исковой давности на период обязательного досудебного урегулирования спора¹, что следует из ст. 202 ГК РФ в редакции ФЗ № 100-ФЗ от 07.05.2013.

Процессуальный срок досудебной процедуры согласно ч. 5 ст. 4 АПК РФ составляет 30 календарных дней с даты направления пре-

---

¹ Пункт 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности»; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.08.2018 № Ф04-2968/2018 по делу № А03-14850/2017 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. Судебная практика. М., 2019. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

тензии¹. То, как на исковую давность влияет факт обращения лица в суд, в законе прямо не отражено (нет прямого указания на перерыв или приостановление срока). Пункт 1 ст. 204 ГК РФ содержит указание на то, что срок исковой давности не течет со дня обращения в суд за защитой нарушенного права на протяжении времени судебной защиты права. Иски, поданные на исходе срока исковой давности, вызывают к себе особое отношение в судах с учетом принципов обеспечения восстановления нарушенных прав (ст. 12 ГК РФ) и судебной защиты нарушенных прав (ст. 11 ГК РФ). В таких случаях существенное значение приобретает порядок определения, своевременно ли подан иск.

При первом прочтении п. 3 ст. 202 ГК РФ можно сделать вывод, что 30 календарных дней со дня направления претензии, предусмотренные в АПК РФ, либо срок ответа на претензию и есть тот срок, на который продляется исковая давность.

Однако Судебная коллегия Верховного Суда РФ в Определении от 16.10.2018 по делу № 305-ЭС18-8026, А40-43937/2017, системно истолковав п. 3 ст. 202 ГК РФ и ч. 5 ст. 4 АПК РФ, сделала вывод, что течение срока исковой давности приостанавливается не на указанный в законе или договоре срок, а на срок фактического соблюдения претензионного порядка, а это уже не всегда тот срок на досудебное урегулирование, который указан в законе или договоре. Таким сроком является период с момента направления претензии до момента получения ответа на нее.

Такой же вывод был сделан в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.06.2016 по делу № 301-ЭС16-537, А43-25051/2014.

Поэтому в случае, если контрагент будущего истца своевременно в кратчайшие сроки ответит на претензию, истец вправе рассчитывать на продление исковой давности на меньший срок: на период в днях с момента направления претензии до получения ответа на претензию. Полный срок будет учтен, только если ответ на претензию

---

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2018 № 305-ЭС18-8026 по делу № А40-43937/2017; Определение Верховного Суда РФ 24.01.2019 № 343-ПЭК18 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. Судебная практика. М., 2019. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

не дан или контрагент ответил после истечения законного (договорного) срока на рассмотрение претензии.

Прямой вывод, следующий из закона, без учета мнения высшей судебной инстанции может породить путаницу, поскольку норма п. 3 ст. 202 ГК РФ при буквальном прочтении с этой практикой расходится.

Целесообразным видится применение прямого толкования п. 3 ст. 202 ГК РФ: продление срока исковой давности на весь срок досудебного урегулирования спора, что дает больше определенности в расчете срока, гарантирует защиту права на иск, уменьшает последствия ошибки в расчете срока при непредставлении истцом суду ответа на претензию (если он имеется). Также этот подход предполагает использование должником всего срока досудебного урегулирования, в том числе возможность передумать и по-иному высказаться относительно требований претензии полностью или в части.

А. Ф. Скутин

ВОЗБУЖДЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО ИСКУ В ЗАЩИТУ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРУППЫ ЛИЦ

Согласно ст. 244.20 ГПК РФ и ст. 225.10 АПК РФ с иском в суд в защиту прав и законных интересов группы лиц могут обратиться граждане и организации, являющиеся членами группы лиц, в интересах которой предъявляется иск. Кроме граждан и организаций, входящих в группу лиц, с таким иском могут обратиться в случаях, установленных федеральными законами орган, организация и гражданин, не являющиеся членами этой группы.

В литературе вызвал дискуссию вопрос о том, кого следует понимать под органом, наделенным в силу закона правом обращаться с иском в защиту интересов группы лиц. Было высказано мнение о том, что таким органом является орган юридического лица. Однако с этим вряд ли можно согласиться. Согласно ч. 1 ст. 53 ГК РФ все гражданские права и обязанности юридическое лицо приобретает через свои органы, поэтому субъектом гражданских правоотношений выступает юридическое лицо, а не его орган. Не предусмотрен орган юридического лица как субъект гражданских процессуальных

правоотношений и в ч. 1 ст. 22 ГПК РФ. По нашему мнению, под органом, обозначенным в ст. 244.20 ГПК РФ и ст. 225.10 АПК РФ, следует понимать орган государственной власти, наделенный законом полномочиями обращаться в суд с иском в защиту прав и законных интересов группы лиц.

Если к исковому заявлению присоединилось менее 20 членов группы лиц (5 в арбитражном), суд оставляет исковое заявление без движения со всеми вытекающими последствиями. Следует признать неправомерной практику судов, когда суды по данному основанию возвращают исковое заявление, поскольку такое основание законом не предусмотрено.

Грамматическое толкование ч. 4 ст. 30 ГПК РФ и ч. 6.1 ст. 38 АПК РФ позволяет сделать вывод о том, что ответчиками по данным искам могут быть юридические лица, ибо только местонахождение юридического лица определяется по его адресу. Следовательно, подобный иск к гражданину-предпринимателю предъявлен по действующему законодательству быть не может.

Компетентный суд определяется по общим правилам разграничения компетенции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами с учетом критериев, закрепленных в ст. 27 АПК РФ. Утверждение о том, что по данным искам применяется только предметный критерий, поскольку субъектный состав лиц, имеющих право на подачу иска в защиту прав и законных интересов группы лиц в ГПК РФ и АПК РФ идентичен, не обосновано. В данном случае действует общее правило разграничения компетенции между судебными системами с учетом правового статуса истца. Территориальная подсудность данных исков определена в ч. 4 ст. 30 ГПК РФ и ч. 6.1 ст. 38 АПК РФ как исключительная по адресу ответчика, что не допускает ее изменения по соглашению сторон (ст. 32 ГПК РФ, ст. 36 АПК РФ).

Возможна ли передача данной категории дел на рассмотрение третейского суда? АПК РФ в п. 3 ч. 2 ст. 33 содержит прямой запрет на передачу таких дел на рассмотрение третейского суда. Это означает, что даже в тех случаях, когда характер спора допускает передачу таких дел на рассмотрение третейского суда, например корпоративные споры (ч. 2 ст. 225.1 АПК РФ), но как только аналогичный иск предъявляется в защиту прав и законных интересов группы лиц, вступает в силу запрет на их передачу третейским судам. Применительно к судам общей юрисдикции такого запрета в ГПК РФ не со-

держится. Следовательно, если характер спорных правоотношений допускает передачу дела на рассмотрение третейского суда, то независимо от того, что иск предъявлен в защиту прав и законных интересов группы лиц, он может быть передан на рассмотрение третейского суда по правилам ч. 3 ст. 3 ГПК РФ.

Л.А. Терехова

ГРАЖДАНСКАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Законодательное решение о принятии в 2015 г. Кодекса административного судопроизводства¹ (далее – КАС) обоснованно считается решением политическим, принятым без надлежащей научной основы и вопреки сложившейся научной доктрине. В Конституции РФ 1993 г. имеется упоминание об «административном судопроизводстве» в одном ряду с гражданским, уголовным и конституционным видами судопроизводств (ч. 2 ст. 118), однако там же административное и административно-процессуальное законодательство отнесено к совместному ведению РФ и субъектов РФ (п. «к» ст. 72) в отличие от других процессуальных законов, отнесенных к ведению РФ (п. «о» ст. 71).

В науке гражданского процессуального права место вновь образовавшегося *судебного административного процессуального права* определено как вторичное образование, подотрасль фундаментальной (профилирующей) отрасли права – гражданского процессуального права, назначение которого – принудительная реализация норм материального права и разрешение конфликтов в сфере административных и иных публичных правоотношений².

В науке административного права и процесса, напротив, полагают, что принятие КАС является завершающим актом в формировании новой отрасли права – *административного судебного*³.

---

¹ Федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СЗ. 2015. 09 марта. № 10. Ст. 1391.

² Административное судопроизводство : учебник / под ред. В.В. Яркова. М. : Статут, 2016. С. 28–29 (автор главы – В.В. Ярков).

³ См., напр.: Майоров В.И. О становлении административного судебного права в РФ // Административное и муниципальное право. 2016. № 10. С. 858.

В настоящее время по паспорту специальности 12.00.15 Высшей аттестационной комиссии¹ административное судопроизводство относится к специальности «гражданский процесс; арбитражный процесс». Однако это не должно успокаивать представителей науки гражданского процессуального права, поскольку ситуация может со временем измениться.

Прежде всего хотелось бы отметить несколько уязвимых моментов, которые позволяют оценить ситуацию как угрозу *гражданской процессуальной форме*:

1) суд не просто является органом, привлекающим к административной ответственности, а гораздо больше – в одном из кодексов гражданского судопроизводства – Арбитражном процессуальном кодексе² (далее – АПК) соединяются вместе производство из публичных правоотношений и привлечение к административной ответственности: гл. 24 и 25 разд. III «Производство в арбитражном суде первой инстанции по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений». Глава 25 раздела III, кроме того, включает одновременно и рассмотрение дел о привлечении к административной ответственности самим арбитражным судом (§ 1) и контроль за деятельностью административных органов – рассмотрение дел об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности (§ 2);

2) традиционно в Гражданском процессуальном кодексе³ (далее – ГПК) главы, посвященные отдельным категориям дел, возникающих из публичных правоотношений, состоят всего лишь из нескольких статей. Их применение дополняется обширными постановлениями Пленума Верховного Суда⁴, и это невольно создает впечатление, что

---

¹ URL: <http://arhvak.minobrнауки.gov.ru/316>

² Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ. 2002. 29 июля. № 30. Ст. 3012.

³ Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ. 2002. 18 ноября. № 46. Ст. 4532.

⁴ См., напр.: Постановление Пленума ВС РФ от 10.02.2009 № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих»; Постановление Пленума ВС РФ от 29.11.2007 № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части»; Постановление Пленума ВС РФ от 31.03.2011 № 5 «О практике рассмотрения судами дел о защите

гражданская процессуальная форма не справляется с такими делами, а её универсальности недостаточно;

3) научные обоснования разновидностей гражданской процессуальной формы¹, а также невозможности существования искового и особого производства в рамках одной процессуальной формы²;

4) распространившееся обобщающее название «цивилистический процесс» (подразумевающий одновременно и гражданский, и арбитражный) как бы отторгает административное судопроизводство. Впрочем, ст. 118 Конституции РФ тоже разделила «гражданское судопроизводство» (под которым понимают производство в судах общей юрисдикции по гражданским делам и производство в арбитражных судах) и «административное судопроизводство».

В.М. Семенов среди свойств процессуальной формы гражданского судопроизводства выделял и такие, как *универсальность* и *демократичность*. Универсальность процессуальной формы гражданского судопроизводства понимается как пригодность её для рассмотрения судами широкого круга дел и применения разных отраслей материального права. Демократичность обусловлена системой принципов гражданского процессуального права. Сама по себе гражданская процессуальная форма – это проявление демократии и гарантия защиты субъективных прав; важное демократическое приобретение народа, существенный элемент правовой культуры, безусловный признак режима законности государственного управления³.

А.К. Сергун и М.С. Шакарян отмечали, что судебная гражданская процессуальная форма позволяет успешно осуществлять защиту

избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»; Постановление Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 22 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об административном надзоре» // Консультант-Плюс.

¹ См., напр.: Щадловская О.Д. Упрощенная гражданская процессуальная форма в гражданском судопроизводстве: понятие и признаки // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 8. С. 19–23.

² Аргунов А.В. Особое производство в гражданском процессуальном праве России и Франции. М. : Проспект, 2013. С. 181.

³ Семенов В.М. К вопросу о ценности гражданского процессуального права и гражданской процессуальной формы // Краткая антология уральской процессуальной мысли. Екатеринбург, 2004. С. 107.

прав и реализацию обязанностей, регулируемых различными отраслями права¹.

Универсальность гражданской процессуальной формы не исключает и обратного влияния – влияния особенностей материально-правовых отношений на правила рассмотрения дел, возникающих из них, в судах. Например, дела о защите избирательных прав требуют как минимум особых сокращенных сроков рассмотрения. Однако дополнительные, учитывающие особенность конкретных категорий дел правила выступают в качестве либо отдельных изъятий, либо, напротив, отдельных дополнений к общим процессуальным правилам, не разрушают единую форму рассмотрения дел. Но само структурирование КАС показывает, что не правило «обратного влияния» лежит в его основе, а скорее попытка собрать «под одной крышей» все категории дел с публичным элементом.

При принятии КАС в него из ГПК были перенесены отдельные категории дел искового (компенсации за длительность судебного разбирательства или длительность исполнения), особого (госпитализация гражданина в психиатрический стационар) производства и полностью – подраздел, посвященный рассмотрению дел, возникающих из публичных правоотношений. При этом общая часть КАС является точной копией ГПК, следовательно, никаких попыток отторгнуть гражданскую процессуальную форму не было. В дальнейшем КАС пополнился гл. 27.1, 27.2, 31.1, усилив тем самым тенденцию к сближению с «наказательной» юрисдикцией, поскольку отмеченные составы представляют собой дела о вмешательстве публичного субъекта (истца) в конституционные права граждан (ответчиков).

Если же КАС будет и дальше разрастаться за счет внесения все новых и новых «отдельных категорий дел» со своими особыми правилами, то он постепенно станет кодексом норм, по которым граждане выступают ответчиками в исках публичных субъектов. Такая ситуация – всего лишь последняя стадия на пути объединения с нормами, по которым гражданин привлекается к административной ответственности, т.е. к объединению Кодекса административного

---

¹ Сергун А.К., Шакарян М.С. К вопросу о теории так называемой «юридической процессуальной формы» // Шакарян М.С. Избранные труды. СПб., 2014. С. 52–53.

судопроизводства и Кодекса об административных правонарушениях¹. Вот именно этой ситуации нельзя допускать. Именно поэтому общие положения КАС, порядок рассмотрения дел во всех инстанциях должны быть идентичны положениям ГПК, т.е. оставаться в рамках гражданской процессуальной формы.

Е.В. Токарева

РАСКРЫТИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК ЭТАП СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Актуальность темы исследования обусловлена изменениями, внесенными в действующий ГПК РФ Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в части введения порядка «раскрытия доказательств» (ч. 3 ст. 56 ГПК РФ), сходного с тем, что был ранее закреплен в ст. 65 АПК РФ.

Законодательное закрепление данной процедуры имеет большой потенциал, основанный на том, что заблаговременное ознакомление лиц, участвующих в деле, с имеющимся доказательственным материалом влияет на полноту судебного исследования и продолжительность процесса при рассмотрении спора в суде. Также следует отметить, что подобные технико-юридические приемы успешно реализуются в праве других стран, особенно в странах англо-саксонской системы права. Однако на страницах юридической литературы уже появляется ряд критических замечаний², поскольку теоретическая разработка данного процессуального института и его правовая регламентация в настоящее время обладают существенными недостатками.

Так, в теоретическом плане отсутствует единство мнений по вопросу о месте раскрытия доказательств в процессе судебного дока-

---

¹ Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ. 2002. 07 января. № 1. Ст. 1.

² Кайзер Ю.В. Понятие и признаки раскрытия доказательств как этапа судебного доказывания // Российский судья. 2010. № 4. С. 37–40; Лозовицкая А.Д. Раскрытие доказательств как инструмент «процессуальной революции» // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 5. С. 33–37 и др.

звания¹; большинство исследователей отмечают, что, оперируя термином «раскрытие доказательств», законодатель вместе с тем не содержит его легального определения, а также не раскрывает особенностей данного процессуального института². Практический интерес также вызывает ряд вопросов, связанных с несвоевременным предъявлением доказательств, истребованием доказательств у оппонента, применением санкций за неисполнение или несвоевременное исполнение обязанности по раскрытию доказательств, учитывая тот факт, что законодателем они не всегда урегулированы, а судебной практикой трактуются по-разному.

Не останавливаясь подробно на анализе всех обозначенных выше проблем, хотелось бы остановиться на месте раскрытия доказательств в системе доказательственной деятельности.

Раскрытие доказательств не рассматривается большинством исследователей в качестве самостоятельного этапа доказательственной деятельности. Не соглашаясь с данным утверждением, полагаем, что состязательность процесса включает в себя не только наличие прав и обязанностей сторон по представлению доказательств, на которые они ссылаются как на основание своих требований и возражений, но и исполнение обязанности по раскрытию этих доказательств перед другими лицами. В этой связи содержанием раскрытия доказательств как самостоятельного этапа доказательственной деятельности является обязанность сторон в процессе доводить до сведения другой стороны всю информацию о существовании определенных документов, имеющих отношение к рассматриваемому спору, а также предоставление возможности этим лицам ознакомиться с содержанием данных документов, что в своем подходе в общем соответствует сущности раскрытия доказательств в английском праве³. Причем данная обязанность должна исполняться сторонами заблаго-

---

¹ Афанасьев С.Ф., Зайцев А.И. Гражданский процесс : учеб. пособие. М. : Норма, 2008. С. 123; Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М. : Волтерс Клувер, 2008. С. 352–353; Треушников М.К. Судебные доказательства. М. : Городец, 2005. С. 46–47, 49 и др.

² Кайзер Ю.В. Указ. соч. С. 37–40.

³ Bray E. *The Principles & Practice of Discovery*. London : Reeves and Turner, 1885. P. 1; Woolf L. *Her Majesty's Stationary Office, Access To Justice: Interim Report to the Lord Chancellor on the Civil Justice System in England And Wales (June 1995)*, § 1.

временно и добросовестно, что предполагает возможность раскрытия всех фактических обстоятельств, имеющих значение для дела, а также имеющихся доказательств.

О.П. Шальнева

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ДИСЦИПЛИНЕ «ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС»

Преподавание юридических дисциплин имеет свою специфику, связанную, прежде всего, с большим объемом теоретического материала, необходимостью работы с текстами, зачастую заучиванием ключевых положений и определений.

Важной особенностью современного образования является его непрерывное совершенствование. В условиях перехода на стандарты нового поколения в учебном процессе вуза существует острая необходимость в использовании современных образовательных технологий¹.

Современные образовательные технологии, использование элементов некоторых педагогических методик, таких как «Карта интеллекта», метод «Шесть шляп мышления», метод «Контекстное обучение» и метод «Кейс-стади», позволяют повысить эффективность учебного процесса при преподавании курса «Гражданский процесс», более плодотворно использовать учебное время и обеспечивать образовательные потребности каждого студента в соответствии с его индивидуальными особенностями.

Элемент контекстного обучения – знаково-контекстное обучение, направленное на постепенное насыщение учебного процесса элементами профессиональной деятельности. Может применяться при введении «новостной пятиминутки», суть которой заключается в том, что каждый студент при подготовке к семинару просматривает новости, связанные с изменениями в законодательстве, интересной

---

¹ Панькова Н.М., Кабанова Н.Н. Современные образовательные технологии в вузе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23746>.

для него судебной практикой, и докладывает на «новостной пятиминутке» в начале семинара.

Контекстное обучение проявляется в ведении тематического портфолио¹ студентами, которым в начале изучаемого курса предлагается завести папку для собирания дополнительного материала по изучаемому курсу.

Возможности применения технологии «Карты интеллекта», предложенной американским учёным Т. Бьюзен², видны на примере семинарского занятия по теме «Предмет и метод гражданского процессуального права», когда вместо линейного расположения текста в студенческом конспекте мы создаем, прилагая собственные творческие способности, цветной информационный проект, который позволяет сделать новую информацию наблюдаемой. Именно это и позволяет осуществить метод «Карты интеллекта».

Обсуждение результатов любой работы, в том числе результатов семинара, интересней и эффективнее проводить с использованием технологии «Шесть шляп мышления» Э. де Боно³.

Метод кейс-стади⁴ в сокращенном виде применяется при решении задач к семинарам. В практикуме к каждой теме даны задачи, которые студент решает индивидуально.

В полном варианте раскрывается при инициировании судебного процесса. Например, в ТГУ под руководством зав. кафедрой гражданского процесса Н.Г. Галковской несколько лет подряд проводится игровой процесс «Суд над роботами» как разновидность применения этой методики⁵.

---

¹ Фатеева И.А., Канатникова Т.Н. Метод «портфолио» как приоритетная инновационная технология в образовании: преимущество между средней школой и вузом // Молодой ученый. 2012. № 12. С. 526–528.

² Бьюзен Т. Интеллект-карты. Практическое руководство / пер. с англ. Е.А. Самсонова. Минск : Попурри, 2010. URL: <http://lib2.znate.ru/docs/index-336650.html>

³ Эдвард де Боно. Шесть шляп мышления. Минск : Попурри, 2006. 208 с.

⁴ Вагина М.В. Использование метода кейс-стади как образовательной технологии. [Б.м.], 2015. URL: <http://www.gup.ru/events/smi/detail.php?ID=166183>.

⁵ URL: <http://www.tsu.ru/news/pervyy-v-strane-sud-nad-robotami-provedut-yuristy/>

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В.С. Аракчеев

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Не в научно-философском, а в обыденном, общесмысловом, а также с позиции семантики термин «справедливость» ассоциируется с такими словами, как «праведность» (по В.И. Далю), как «беспристрастность» (по С.И. Ожегову), как синоним слов «правда», «правосудие» (по Л.А. Чешко), праведный человек – это лицо, не погрешающее в нравственных начал. С этих позиций с учетом общепризнанного понимания термина «социальный», на наш взгляд, понятие «социальная справедливость» – это порядочность взаимоотношений в человеческом сообществе, в котором права и потребности, интересы индивида, общества и государства сбалансированы, уравновешены и общепризнаны в качестве устоявшегося правила.

Антиподом справедливости, конечно же, является несправедливость, которая ассоциируется с состоянием негативности общественных взаимоотношений. Именно это явление порождает в обществе недовольства, конфликты, в том числе войны и революции, другие аналогичные последствия. Однако при всей достаточно очевидной отрицательности несправедливости имеется, пожалуй, одно относительно положительное её проявление – это естественная потребность и необходимость борьбы с ней, которая зачастую приводит к прогрессу.

С этих позиций следует оценивать качество современной российской системы социального обеспечения, определить, является ли она справедливой либо не отвечает, соответствует идее справедливости лишь отчасти. В России сложилась и существует уже более века двуединая, состоящая из двух подсистем система социального обеспечения: государственного и страхового. Её единство объясняется потребностью общества и государства предоставить средства к существованию лицам, лишившимся самостоятельных источников к

жизни, как правило, по уважительным причинам. По системе государственного обеспечения социальная помощь и содержание предоставляются служащим различных категорий, большинство медицинских и социальных услуг гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, например, в связи с природными катаклизмами. Согласно второй подсистеме, обеспечению подлежат застрахованные физические лица – это граждане, работающие по трудовому и некоторым гражданско-правовым договорам, лица, добровольно вступившие в отношения по обязательному социальному страхованию, гражданские служащие и др.

Общеизвестно, что уровень и разнообразие социальной защиты за счет бюджетных средств выше, чем обеспечение за счет страховых взносов. Это обстоятельство, исторически сложившееся, и порождает в наше время негативное отношение большинства граждан России к социальной политике государства, причём вполне обоснованное, и одновременно является одним из показателей несправедливости действующего социально-обеспечительного законодательства. Примеров тому достаточно: низкий и практически уравнилельный размер страховых пенсий; трудно объяснимый и явно несправедливый отказ от индексации пенсий работающих пенсионеров по сравнению с пенсиями за счёт бюджетов, приводящий к тому же к униженному имущественному положению субъектов права на них; условно бесплатные, но фактически не доступные для рядовых граждан дорогостоящие высокотехнологические медицинские услуги; санаторно-курортное лечение в отношении, к примеру, служащих силовых структур, которое предоставляется также их близким родственникам, и многое другое. Из этого следует, что вторая из названных подсистем базируется во многом не на государственной, а на самообеспечительной основе.

Вывод. Современное право социального обеспечения во многом утратило свойственные советскому этапу справедливые начала, превратилось в сословно-служебное правообразование, своё нравственное предназначение и первоначало – быть эталоном порядочности во взаимоотношениях человека труда, общества и государства, быть равным мерилom ко всем нуждающимся лицам, вне зависимости от того, в каких правоотношениях они состоят (состояли в прошлом) – трудовых, гражданских, административных.

К ВОПРОСУ ОБ ИНДЕКСАЦИИ И ПЕРЕРАСЧЕТЕ СТРАХОВЫХ ПЕНСИЙ РАБОТАЮЩИМ ПЕНСИОНЕРАМ

Пенсионная система Российской Федерации пережила уже не одну реформу. В соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» и Стратегией долгосрочного развития пенсионной системы России¹ (утвержденной распоряжением Правительства РФ от 25 декабря 2012 г. № 2524-р) с 1 января 2015 г. осуществлен очередной этап реформирования национальной пенсионной системы. Основная цель данной реформы – «обеспечение сбалансированности и долгосрочной финансовой устойчивости страховой пенсионной системы», т.е. сокращение расходов на выплату страховых пенсий. Для того чтобы снизить нагрузку на федеральный бюджет, из которого покрывается недостаточность страховых взносов на выплату пенсий, были существенно ограничены пенсионные права граждан. В частности, претерпели значительные изменения пенсионные права работающих пенсионеров. Если ранее в ст. 26 ФЗ «О страховых пенсиях» предусматривалось, что «выплата страховых пенсий на территории РФ производится в установленном размере без каких-либо ограничений», то с 2016 г. Федеральным законом от 29.12.2015 г. № 385-ФЗ в закон «О страховых пенсиях» была внесена ст. 26.1, которая предусматривала, что пенсионерам, осуществляющим работу и (или) иную деятельность, суммы страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии, в том числе полученные в связи с перерасчетом размера пенсии, выплачиваются без учета индексации (увеличения) размера фиксированной выплаты к страховой пенсии и корректировки размера страховой пенсии, имеющих место в период осуществления работы и (или) иной деятельности². Кроме того, работающие пенсионеры были практически лишены права на ежегод-

---

¹ Проект Стратегии развития пенсионной системы до 2030 года // КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi>

² ФЗ «О страховых пенсиях» // КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?>

ный перерасчет ранее назначенной пенсии в связи с увеличением суммы пенсионного капитала. Так, с 2015 г. перерасчет пенсий в связи с новыми поступлениями страховых взносов за год работы был ограничен тремя «пенсионными баллами». Кроме того, перерасчет производился всем с 1 августа (т.е. те, кто отработали полный календарный год, прибавку к пенсии в связи с перерасчетом за год получают только спустя 7 месяцев – в августе, теряя деньги за предыдущий период с января по июль). В связи с проведением таких абсолютно дискриминационных мероприятий доля работающих пенсионеров в их общем числе сократилась более чем на треть: с 35,7% по итогам 2015 г. до 22,9% в конце 2016 г. (по данным Пенсионного фонда России)¹. Таким образом, за год ПФР потерял свыше 5 млн работающих пенсионеров, за которых платили взносы². Примерно 16% пенсионеров, работавших в январе 2016 г., ушли с работы из-за отмены индексации. По данным Росстата, уровень занятости лиц в возрасте старше трудоспособного составляет около 30%³, и за большинство из них уплачиваются страховые взносы. В то же время индексация страховых пенсий работающим пенсионерам не проводится, а перерасчет пенсии составляет очень небольшую сумму в связи с установлением предельного значения – три пенсионных балла (в частности, прибавка за 2017 г. составила от 192,3 до 244,47 руб. в зависимости от даты назначения и выплаты пенсии и начала работы)⁴.

Не добавило оптимизма и повышение возраста выхода на пенсию по старости, несмотря на то, в Стратегии развития пенсионной системы РФ до 2030 г. установлено, что целесообразно сохранить право выхода на пенсию в установленном ныне пенсионном возрасте (т.е. 55 и 60 лет). Думается, что повышение возраста выхода на пенсию только добавило проблем для функционирования пенсионной системы в РФ, учитывая уровень развития системы социального обеспечения, здравоохранения, состояния экономики.

---

¹ Официальный сайт ПФР. URL: <http://www.pfrf.ru/>

² Там же.

³ Официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics.

⁴ Сколько теряет денег работающий пенсионер. В каких случаях нельзя работать пенсионеру? URL: <https://informatio.ru/news/society/pensiya/>

В связи с повышением пенсионного возраста увеличится количество трудоспособных граждан, а это, естественно, приведет к увеличению конкуренции и росту безработицы, поскольку не окажется столько рабочих мест, особенно в отдельных проблемных с точки зрения занятости и трудоустройства регионах и секторах экономики. И прежде чем принимать решение о повышении пенсионного возраста, необходимо решить вопрос об увеличении рабочих мест, особенно для лиц предпенсионного возраста.

Н.В. Демидов

ПОДЧИНЕНИЕ РАБОТНИКА РАБОТОДАТЕЛЮ КАК ПРИЗНАК ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Законодательство о труде позволяет в судебном порядке квалифицировать гражданско-правовой договор трудовым, а также признать трудовыми фактически существующие отношения. Решения такого рода выносятся судом при наличии ряда признаков. Некоторые из них имеют легальное закрепление. Таковы процесс работы как предмет договора, личный характер отношений, возмездность, наличие интересов, контроля и управления со стороны работодателя, подчинение правилам внутреннего трудового распорядка, обеспечение работодателем условий труда (ст. 15, 56 ТК РФ, Рекомендация МОТ от 15.06.2006 г. № 198 «О трудовом правоотношении»), длящийся бессрочный характер (ст. 58 ТК РФ), систематичность оплаты (ст. 136 ТК РФ).

Важный институт защиты прав и интересов работника от уклонения от заключения трудового договора осложнен недочетами правового регулирования. Так, закрепление содержания указанных критериев в законодательстве отсутствует. Их смысл выводится путем официального или доктринального толкования, носит фрагментарный и не всегда единообразный характер.

Одним из базовых критериев признания отношений трудовыми выступает подчинение работника хозяйской власти работодателя. Нормативное закрепление данного правила в международном и национальном праве отличается одновременно смысловыми повторами и пробелами. Так, ст. 15 и 56 ТК РФ, Рекомендация № 198 раз-

деляют два существенных свойства: 1) работа выполняется под контролем и управлением работодателя; 2) работник подчиняется правилам внутреннего трудового распорядка. Представляется, что содержание данных признаков во многом сходно. И контроль, и управление со стороны работодателя закрепляются в системе норм, охватываемых понятием внутреннего трудового распорядка. По своей сути весь внутренний трудовой распорядок устанавливает режим управления работниками. Таким образом, подчинение трудовому распорядку одновременно предполагает и контроль, и управление. Невозможность отграничения одного от другого подтверждается и материалами судебной практики. Суды зачастую выявляют признак несамостоятельности труда как целостный, не отличая управления от подчинения¹. Думается, такой подход выражает действительное совпадение категорий. В отличие от умозрительной конструкции законодателя правоприменитель проявляет прагматичность мышления и избегает уточнений.

Частным случаем подчинения работника видится и право работодателя устанавливать режим рабочего времени. Требование соблюдения определенного регламента времени также входит в феномен внутреннего трудового распорядка. Суды фиксируют его как отдельный признак трудовых отношений², однако это относится скорее к простоте его выявления, нежели к действительной самостоятельности.

Таким образом, законодательное закрепление конструкции «под управлением и контролем работодателя соблюдать правила внутреннего трудового распорядка, действующие у данного работодателя», является методологически неверным. В сущности, признаки контроля и управления являются частным случаем внутреннего трудового распорядка. В одном смысловом ряду текста ст. 15 и 56 ТК РФ оказались разнопорядковые категории. Критерии контроля и управления во многом обслуживают применение нормы ст. 189 ТК РФ, определяющей внутренний трудовой распорядок. Более продук-

---

¹ Апелляционное определение Московского областного суда от 25.05.2015 по делу № 33-11957; Определение Свердловского областного суда от 11.05.2010 по делу № 33-4073.

² Определение Московского городского суда от 12.11.2015 № 4г/7-11344; Апелляционное определение Московского городского суда от 22.04.2015 по делу № 33-13430.

тивным было бы нормативно установить признаки трудового отношения и раскрыть их понятия в отдельной статье ТК РФ.

А.Ю. Зеленина

ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

При рассмотрении субъектного состава правоприменительной деятельности в области социального обеспечения необходимо выделять правоприменение, осуществляемое органами, для которых предоставление социального обеспечения является основной функцией их деятельности, и субъектами, для которых данная функция не является главной.

Представляется, что эффективность их правоприменительной деятельности не является одинаковой. Целью правоприменения в рассматриваемой сфере является обеспечение реализации прав граждан на социально-обеспечительные предоставления. Думается, в наибольшей степени данная цель достигается в том случае, когда правоприменение осуществляется компетентными органами, квалифицированными специалистами, для которых данная деятельность является основной. В идеале, учитывая, что социальное обеспечение имеет государственную природу, субъектами правоприменительной деятельности в области социального обеспечения должны быть именно государственные органы (в широком смысле).

Следует отметить, что законодатель осознает существующие проблемы правоприменительной деятельности, осуществляемой субъектами, для которых данная функция не является главной, и ищет пути их решения.

Так, согласно действующему законодательству обязанность по назначению и выплате страховых пособий, предусмотренных Федеральным законом «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством», возложена на работодателей. В связи с тем, что далеко не все работодатели в лице конкретных работников обладают юридической

грамотностью, а также по иным причинам нередки случаи ошибок при исчислении данных пособий, необоснованные отказы в их предоставлении и другие нарушения прав граждан. В этой связи в Нижегородской области и Карачаево-Черкесской Республике с 1 января 2012 г. согласно Постановлению Правительства РФ от 21 апреля 2011 г. № 294 началась реализация пилотного проекта, в соответствии с которым назначение и выплата страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством и иных выплат осуществляются не работодателем, а территориальным органом Фонда социального страхования РФ (далее – пилотный проект «Прямые выплаты»). В настоящее время в пилотном проекте «Прямые выплаты» участвуют 69 субъектов Российской Федерации. С 1 июля 2020 г. в пилотном проекте будет участвовать еще 8 субъектов Российской Федерации.

Внедрение указанного пилотного проекта положительно сказалось на положении застрахованных граждан при получении пособий в рамках обязательного социального страхования, учитывая, что пособия за счет ФСС выплачиваются строго в установленные законодательством сроки, выплата пособий не зависит от финансового положения работодателя, исключены ошибки в расчетах. В связи с успешной реализацией пилотного проекта ФСС России «Прямые выплаты» Минтруд России подготовил проект изменений в законодательство о соцстраховании, согласно которому переход всех субъектов РФ на новый механизм выплат страхового обеспечения предусмотрен с 1 января 2021 г.

Представляется, что успех рассматриваемого пилотного проекта был предопределен, так как заложенные в нем преобразования вытекают из сути социального обеспечения, из его государственной природы. Данный вектор развития социально-обеспечительного законодательства необходимо сохранить, так как государство не должно перекладывать свои обязанности на других субъектов.

ПЕНСИОННОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Пенсионное обеспечение в России представляет собой одно из наиболее важных направлений социального обеспечения. Вместе с тем современный процесс реформирования действующей пенсионной системы ведет к серьезным нарушениям данного права в массовых масштабах, что, в свою очередь, вынуждает граждан применять различные способы его защиты и восстановления в судебном порядке. Многочисленные нарушения процесса реализации гражданских прав на пенсионное обеспечение вызваны в первую очередь сложностью профильного законодательства, которое достаточно часто дополняется новыми актами и как следствие становится все менее доступным для понимания населением, являющимся непосредственным участником пенсионных правоотношений. Данные недостатки действующего закона значительно затрудняют реализацию права граждан на пенсию, ведут к нарушениям гарантированных им государством прав и создают условия для возникновения многочисленных споров и жалоб, поэтому количество обращений населения в компетентные государственные судебные органы стремительно возрастает. Показательным в этом отношении является анализ количества обращений в суды общей юрисдикции. В последнее время отмечается резкое увеличение доли пенсионных дел в общем объеме гражданских дел (с 0,9% в 2016 г. до 4,8% в 2018 г.)¹. При этом показатели удовлетворенных исков варьируются от 89 до 93,5%, что наглядно выявляет проблемы качества нормотворческого процесса.

Представленные обстоятельства объективно показывают необходимость системного совершенствования действующего законодательства, которое в конечном итоге должно гарантировать населению доступность и прозрачность реализации прав на пенсионное обеспечение. Несмотря на то, что с момента принятия основополагающего в сфере пенсионного обеспечения Федерального закона

---

¹ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год // Российская газета. 2019. 29 ноября. № 68.

«О страховых пенсиях в Российской Федерации» прошло достаточно времени, ряд вопросов, поставленных в ходе пенсионной реформы, так и остался нерешенным. Одним из наиболее острых вопросов является вопрос льготного пенсионного обеспечения в связи с особыми условиями труда. Обеспечивая реализацию права граждан на досрочное назначение страховой пенсии, Правительство РФ во исполнение возложенных на него федеральным законодателем полномочий своим Постановлением от 29 октября 2002 г. № 781 утвердило Список должностей и учреждений, работа в которых дает право на досрочное назначение страховой пенсии в связи с педагогической деятельностью в учреждениях для детей. Объективно досрочные пенсии в связи с условиями труда призваны компенсировать воздействие неблагоприятных факторов на организм человека и, следовательно, снижение трудоспособности в более раннем возрасте. В случае, когда названные факторы являются производственными, т.е. связаны с работой человека на определенном предприятии, такая компенсация должна осуществляться за счет предприятия.

Реформирование пенсионной системы с 2013 г., все большее усложнение и нагромождение норм, регулирующих данную подотрасль права, подводит нас к мысли о кодификации пенсионного законодательства. Кодификация пенсионного законодательства, объединив в рамках пенсионного кодекса все принятые ранее законодательные акты и упростив возможности анализа действующего пенсионного законодательства, позволит широкому кругу исследователей в социально-экономической сфере, не занимающихся на постоянной основе вопросами пенсионного обеспечения, лучше видеть его достоинства и недостатки и предлагать меры по координации пенсионного обеспечения с другими вопросами социальной политики. Дальнейшее развитие пенсионного законодательства в рамках установленных процедур позволит на основе анализа демографических, социально-экономических, политических и других факторов, влияющих на устойчивость пенсионной системы, заблаговременно принимать необходимые меры по корректировке пенсионного законодательства, обеспечивать концептуальную преемственность принимаемых мер и исключать субъективизм и популизм при решении пенсионных вопросов. Эффективная пенсионная система не может быть создана в одночасье, и на ее развитие в желаемом направлении потребуются достаточно длительное время. Вместе с тем такое раз-

витие пенсионной системы не может осуществляться произвольно без предварительного плана ее дальнейшего развития. Пенсионный кодекс должен заложить костяк этой системы в форме кодифицированного действующего законодательства и дать общее видение дальнейшего ее развития. Таким образом, такое реформирование системы законодательства в пенсионном обеспечении представляется целесообразным, но довольно неспешным процессом.

Н.А. Рябинин

ОСОБЕННОСТИ САМОЗАЩИТЫ РАБОТНИКОМ ТРУДОВЫХ ПРАВ

Проблема защиты трудовых прав работников является одной из самых актуальных проблем трудового права. Исследованию форм, способов и содержания защиты трудовых прав работников посвящено множество научных трудов. Несмотря на это, действующее трудовое законодательство недостаточно регламентирует возможности самостоятельной защиты работником своих прав и интересов.

В соответствии со ст. 379 ТК РФ самозащита трудовых прав работника понимается как возможность работника, письменно известившего работодателя, отказаться от выполнения работы:

- не предусмотренной трудовым договором;
- отказаться от выполнения работы, которая непосредственно угрожает его жизни и здоровью;
- отказаться от выполнения работы в других случаях, предусмотренных ТК РФ (на сегодняшний день такое право предусмотрено в случае задержки выплаты заработной платы на срок более 15 дней).

Мы считаем, что законодатель неверно определил данную форму защиты трудовых прав. Во-первых, законодатель ошибся в наименовании ст. 379 ТК РФ «Формы самозащиты», перечислив в ней не формы, а конкретные способы осуществления работником самозащиты. Во-вторых, подобная легальная интерпретация самозащиты трудовых прав слишком узка и не предоставляет работнику возможность в полной мере использовать все возможности самозащиты.

На наш взгляд, законодательно следует изменить наименование ст. 379 ТК РФ, а в её содержании сформулировать легальное опреде-

ление самозащиты и закрепить неограниченный перечень основных способов самозащиты работником своих трудовых прав.

Под самозащитой следует понимать соразмерные нарушению самостоятельные действия работника по защите своих трудовых прав, осуществляемые по собственному усмотрению на основе законных интересов без обращения к иным уполномоченным субъектам защиты и не нарушающие прав других субъектов трудового права.

Предложенное понимание самозащиты позволит увеличить её внутреннее содержание, и в качестве способов осуществления работниками самозащиты, наряду с предусмотренными ст. 379 ТК РФ, могут быть закреплены следующие:

1. Право личного обращения работника к работодателю как письменного, так и устного. В том числе право обратиться к работодателю с требованием письменного подтверждения его устных указаний.

2. Право запрашивать у работодателя необходимые документы.

3. Право давать устные и письменные объяснения.

4. Право в установленных законом случаях давать либо не давать письменное согласие.

5. Право требовать от работодателя и других лиц, участвующих в отношениях в сфере труда, прекращения нарушений трудовых прав работника.

Важно отметить, что перечень способов самозащиты работником своих трудовых прав не должен быть закрытым (ограниченным) и должен содержать указание законодателя на возможность применения работником иных, не противоречащих закону и существу самозащиты способов самостоятельной защиты своих трудовых прав. В качестве иных способов защиты можно выделить, например, требование лица, которому отказано в заключении трудового договора, разъяснить причины отказа в письменной форме, возможность обращения работника к средствам массовой информации для привлечения общественного интереса к нарушениям работодателя и др.

КОМПЕТЕНЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ЗАКОНОДАТЕЛЯ В ОТНОШЕНИИ СПЕЦИАЛЬНОГО СТАЖА

Неоднократно КС РФ и ВС РФ анализировали п. 12 «Правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости лицам, осуществляющим педагогическую деятельность в учреждениях для детей, в соответствии с пп. 19 п. 1 ст. 27 ФЗ “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”, утв. Постановлением Правительства РФ от 29.10.2002 № 781 “О списках работ, профессий, должностей...”». Согласно данному пункту, стаж работы тренера-преподавателя спортивной школы (возьмем эту должность из постановления для примера) учитывается в стаж педагогической работы только при одновременном наличии двух условий: «на 01.01.2001 г. у лица имеется стаж работы в должностях в учреждениях, указанных в списке, продолжительностью не менее 16 лет 8 месяцев; у лица имеется факт работы в период с 01.11.1999 по 31.12.2000 г. в должностях в учреждениях, указанных в пункте 2 раздела “Наименование должностей” и в пункте 2 раздела “Наименование учреждений” списка». То есть: если стаж тренерской работы на 01.01.2001 меньше указанной величины (что составляет две трети требуемого двадцатипятилетнего стажа), то право на досрочную пенсию не возникает.

Высшие судебные инстанции непреклонны: Правительство Российской Федерации в рамках своей компетенции осуществило соответствующую дифференциацию, основанную на объективных критериях оценки характера труда и функциональных обязанностей различных категорий работников, сохранив за педагогами (преподавателями) учреждений дополнительного образования детей право на досрочное назначение трудовой пенсии на тех же условиях, на которых они ранее могли приобрести право на пенсию за выслугу лет¹.

Компетенция Правительства РФ в социальной сфере определена ст. 16 ФКЗ от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», а также, в частности, законами, регулирующими право

---

¹ Решение Верховного Суда РФ от 11.09.2015 № АКПИ15-738.

на трудовую / страховую пенсию соответствующих периодов. Впервые норма вышеуказанного п. 12 была закреплена в Списке, утв. Постановлением Правительства РФ от 22.09.1999 № 1067 «Об утверждении Списка должностей...». На тот момент действовал Закон РФ от 20.11.1990 № 340-1 «О государственных пенсиях в РФ», согласно ст. 83 которого «Списки соответствующих работ (профессий и должностей), с учетом которых назначается пенсия за выслугу лет, а в необходимых случаях и правила исчисления выслуги и назначения пенсий, утверждаются Правительством Российской Федерации». И в этом же законе в ст. 1 определено: «Изменение условий и норм пенсионного обеспечения осуществляется не иначе как путем внесения изменений и дополнений в настоящий Закон (ст. 1 Закона № 340-1)». Условия эти и были определены законом: 25 лет педагогической деятельности (ст. 80 Закона № 340-1).

Правительство, следовательно, не может изобретать условия, при наличии которых деятельность будет включена или исключена из стажа. Компетенция Правительства – определить списки профессий и должностей, правила ИСЧИСЛЕНИЯ ВЫСЛУГИ И НАЗНАЧЕНИЯ пенсии. Таким образом, определить списки, исключив из них тренера-преподавателя было возможно. На будущее время, разумеется, чтобы уже никто, занимая данную должность, не получил досрочное пенсионирование. Поменять правила ИСЧИСЛЕНИЯ выслуги тоже было можно.

Но Правительством были просто ОТМЕНЕНЫ права лиц, которые УЖЕ отработали в указанных должностях, но меньше чем 16 лет 8 месяцев. Указанная продолжительность никакого обоснования в постановлении не имеет, видимо, она была «взята с потолка». Правительство действовало в данном случае за пределами своей компетенции: ему не было передано право исключать из стажа периоды работы, которые согласно действующему (на момент выполнения данной работы) законодательству подлежали зачету в стаж. Под правилами исчисления стажа понимается именно исчисление, а не исключение.

Предположим, эта норма была бы не в акте Правительства, а в законе, но тогда была бы нарушена норма п. 2. ст. 55 Конституции РФ: «В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина». Право на зачет того или иного вида работы в специальный стаж

не может быть вообще отменено, просто потому что это работа ВЫПОЛНЕНА работником в ПРОШЛОМ.

Разумеется, что КС РФ подчеркивает: «Само по себе изменение оценки профессиональной деятельности преподавателей в учреждениях дополнительного образования детей применительно к льготному пенсионному обеспечению не может рассматриваться как нарушающее конституционное право граждан на социальное обеспечение, если оно сопровождается соблюдением принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, а также – в случае необходимости – предоставление гражданам возможности в течение некоторого переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям¹».

Единственно возможная адаптация в данном случае: отработать еще раз 16 лет и 7 месяцев в другой должности, которая осталась в списке, поскольку машина времени еще не изобретена и невозможно вернуться в прошлое.

Остается надеяться на изменение позиций высших судебных инстанций, поскольку однажды гражданам уже было возвращено право на зачет в педагогический стаж периода работы пионервожатыми, поскольку «недопустимо ухудшать условия реализации права на пенсионное обеспечение, на которые граждане рассчитывали до введения нового правового регулирования... стаж, дающий право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости, может исчисляться с учетом законодательства, действовавшего на период выполнения соответствующих работ... позволявшего засчитывать такие периоды в стаж при назначении пенсии на льготных условиях²».

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 № 1097-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Яцкиной Татьяны Николаевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 12 Правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости лицам, осуществлявшим педагогическую деятельность в учреждениях для детей, в соответствии с подпунктом 19 пункта 1 статьи 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»».

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.09.2014 № 18-КГ14-98.

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ, ЗЕМЕЛЬНОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЕ ПРАВО

Е.С. Болтанова

ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ И «НАИЛУЧШИЕ ДОСТУПНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ», «НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ» В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ¹

Современный эколого-правовой механизм России содержит целый комплекс специфических инструментальных элементов, среди которых: лимитирование и лицензирование; экостандарты качества окружающей среды, элементов окружающей среды, продукции, производственных процессов; эконормирование (нормативы допустимых выбросов, временно разрешенных выбросов); плата за негативное воздействие, ликвидация накопленного ущерба; экологическая и иные экспертизы, осуществляющие оценку соответствия объекта требованиям в области охраны окружающей среды (экологическим требованиям); разрешение на выбросы вредных (загрязняющих) веществ, комплексное разрешение; экосертификация; меры государственной поддержки деятельности по внедрению наилучших доступных технологий и иных мероприятий по снижению негативного воздействия на окружающую среду; экологическое страхование; экоаудит.

Несмотря на многообразие экологических инструментов, определенных в российском законодательстве, не все из них являются реально действующими (экологическое страхование, экологический аудит), некоторые утрачивают свое былое значение (лимитирование, лицензирование), заложенный в других потенциал не используется в полную силу (меры господдержки). Например, в России в последние

---

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-011-00612.

годы были сделаны определенные «шаги» в сторону стимулирования охраны окружающей среды субъектами хозяйственной и иной деятельности (например, произведена дифференциация регулирования отношений по поводу объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду). В то же время предлагаемых мер экономического стимулирования во всех сферах экономики явно недостаточно, и показателем эффективности деятельности государственных экологических надзорных органов должен быть не рост собираемости платежей за загрязнение окружающей среды (как сейчас), а рост доли инвестиций природоохранного назначения в общей сумме частных затрат, связанных с загрязнением¹.

Как представляется, интерес для государства представляет комплексное использование существующих в эколого-правовом механизме инструментальных элементов. Примером такого использования является относительно недавно введенная в правовое поле конструкция «наилучших доступных технологий» (НДТ). В настоящее время установлен правовой режим НДТ, который включает в том числе отдельные инструментальные элементы рассматриваемого механизма (например, нормирование, меры господдержки), объединенные для решения конкретной задачи – модернизации производства с целью комплексного предотвращения и (или) минимизации негативного воздействия на окружающую среду путем внедрения техпроцессов, оборудования, техспособов, методов.

В то же время новая конструкция «новые технологии» в современных условиях скорее «вызов» в том числе для правовой системы РФ. В связи с активным развитием многих сфер государства технологии появляются быстрее, чем государство осознает те экологические риски, которые несет внедрение этих технологий в практику. Отдельные новые технологии (в том числе экоинновации) являются элементом инновационного развития страны. Задача юристов в этой сфере – создание правового режима новых технологий, базирующегося на конгломерате экологических и инновационных правовых норм.

---

¹ Сироткина Т.А., Пепеляев С.Г. Опыт России и ОЭСР в стимулировании экологичного бизнеса // Закон. 2017. № 5. С. 57–66.

Е.Р. Воронкова

СТАДИИ ДИСЦИПЛИНАРНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ТРУДОВОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Объективность и законность дисциплинарного производства предопределяются качеством проведенных мероприятий по установлению основания для привлечения работника к дисциплинарной ответственности. В трудовом законодательстве Великобритании процедура дисциплинарного расследования урегулирована досконально¹. Так, она включает в себя следующие стадии:

1. Принятие решения о необходимости установления факта дисциплинарного проступка и обстоятельств, при которых он был совершен. Работодатель назначает должностное лицо, уполномоченное на осуществление проверки, или утверждает состав комиссии по дисциплинарному расследованию, определяет содержание и сроки его проведения. Должностное лицо или члены комиссии по возможности не должны входить впоследствии в состав комиссии, принимающей решение о привлечении работника к дисциплинарной ответственности.

2. Подготовка к дисциплинарному расследованию. Лицо, проводящее расследование, составляет его план, обозначает круг лиц, подлежащих опросу, и перечень доказательств, подлежащих сбору и оценке. Работодатель должен сообщить работнику о проведении дисциплинарного расследования. В случае если работодатель сочтет, что существует риск сокрытия или подделки доказательств или оказания влияния на свидетелей со стороны работника, он может отложить уведомление работника до окончания соответствующих мероприятий. Работнику сообщается о причинах проведения расследования, уполномоченном должностном лице, его проводящем, планах и сроках осуществления проверки, ее последствиях.

3. Проведение дисциплинарного расследования. Оно направлено на сбор, оценку и анализ доказательств. Данная стадия основывается на следующих принципах: 1) справедливость и объективность; 2) неукоснительное соблюдение дисциплинарных правил, действу-

---

¹ Conducting workplace investigations: The ACAS Guidance, February, 2019. URL: https://archive.acas.org.uk/media/4483/Conducting-workplace-investigations/pdf/Conducting_Workplace_Investigations.pdf (дата обращения: 17.06.2020).

ющих в организации; 3) максимальный сбор информации по делу; 4) стремление не доказать вину работника, а установить факт дисциплинарного проступка и его обстоятельства; 5) конфиденциальность.

4. Опрос свидетелей по факту события и его обстоятельствам.

5. Составление акта по итогам дисциплинарного расследования. В нем отражаются основание для привлечения работника к дисциплинарной ответственности, доказательства, его подтверждающие, ссылки на их источники, формулирование рекомендаций по дальнейшим стадиям дисциплинарного производства. Работодатель обязан ознакомить работника с отчетом по итогам расследования, а также со всеми документами, полученными или составленными в его процессе¹.

В российском трудовом законодательстве не упоминается о такой стадии привлечения работника к дисциплинарной ответственности, как расследование, что делает ее необязательной для реализации работодателем. Отсутствие данной стадии или поверхностное проведение дисциплинарного расследования, в конечном итоге, сказываются на объективности, справедливости и законности принимаемого работодателем решения о привлечении работника к дисциплинарной ответственности. В связи с этим российскому законодателю следовало бы обратить пристальное внимание на успешно зарекомендовавший себя опыт нормативного регулирования расследования в рамках дисциплинарного производства, а работодателям в настоящее время можно предложить детально закреплять процедуру проведения дисциплинарной проверки в локальных нормативных правовых актах.

М.П. Имекова

ПОНЯТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ²

Общеизвестно, что государственное экологическое регулирование не успевает за развитием общественных отношений. Одним из

---

¹ Подробнее см.: Conducting workplace investigations: The ACAS Guidance, February, 2019. URL: https://archive.acas.org.uk/media/4483/Conducting-workplace-investigations/pdf/Conducting_Workplace_Investigations.pdf (дата обращения: 17.06.2020).

² Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00612.

очевидных следствий этого является то, что за ними не успевает и регулятор, который и сам руководствуется в своей деятельности устаревающим регулированием. По этой причине особенно важно включить в процесс регулирования и субъектов предпринимательской деятельности, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду. Это создаст условия для введения правил, учитывающих не только требования закона, но и отраслевую специфику деятельности таких субъектов.

Таким образом, экологическое саморегулирование может выступать в некоторых случаях в качестве альтернативы государственного регулирования в сфере охраны окружающей среды. Вместе с тем названные виды саморегулирования не следует противопоставлять друг другу. «Сущность саморегулирования заключается в том, что государство передает отдельные функции по государственному регулированию предпринимательской деятельности саморегулируемым организациям»¹. В этой связи «государственное регулирование и саморегулирование – это два звена единой цепи воздействия на хозяйствующих субъектов. Не противопоставление, а баланс указанных способов регулирования бизнеса, их сочетание и корректное применение на практике – в этом заключается цель введения в законодательство института саморегулирования»².

В настоящее время в условиях реформирования государственного регулирования в сфере окружающей среды экологическому саморегулированию не уделяется должного внимания. В то же время осознается необходимость стимулирования его развития и дальнейшего совершенствования.

Действующее законодательство не содержит такого легального понятия, как «экологическое саморегулирование», однако закреплено понятие «саморегулирование». В соответствии с ФЗ «О саморегулируемых организациях» под саморегулированием понимается самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществля-

---

¹ Ершова И.В. Саморегулирование предпринимательской деятельности: исходные положения // Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности : сборник материалов круглого стола / отв. ред. И.В. Ершова. М., 2015. С. 44.

² Ершова И.В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности: вопросы теории и законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2142–2150.

ются субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности¹ и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил. При этом, исходя из системного толкования названного Закона, следует, что единственной формой реализации саморегулирования является саморегулируемая организация (далее – СРО).

В то же время в юридической науке высказывается мысль о том, что саморегулирование может осуществляться некоммерческими организациями, не являющимися СРО с позиции ФЗ «О саморегулируемых организациях», однако созданных и действующих в соответствии с ФЗ «О некоммерческих организациях». Анализ их деятельности, по мнению ученых, позволяет говорить о саморегулировании в широком и узком смысле этого слова. Создание СРО, подчиненных требованиям ФЗ «О саморегулируемых организациях», является саморегулированием в узком значении².

Исходя из изложенного, можно дать следующее определение экологическому саморегулированию в узком значении: экологическое саморегулирование – самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской деятельности, оказывающими негативное воздействие на окружающей среду, и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил.

---

¹ По мнению В.В. Кваниной, «категория “профессиональная деятельность” не несет распознаваемую смысловую нагрузку. Она представляется излишней в том значении, в котором использует ее действующее законодательство» (см. подробнее: Кванина В.В. Профессиональная и предпринимательская деятельность // Цивилист. 2011. № 2. С. 33). В этой связи в рамках настоящей статьи основное внимание уделено субъектам предпринимательской деятельности в понимании ст. 2 Гражданского кодекса РФ.

² Ершова И.В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности... С. 2144.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СТРУКТУРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

Экологическое право представляет собой относительно молодую отрасль российского права, не имеющую единого кодифицированного акта как основного источника. Эти особенности определяют необходимость особого внимания к исследованию структуры экологического права как совокупности связей между правовыми нормами, обеспечивающих системность отрасли. Исследование структуры экологического права представляется необходимым для обеспечения полноты и непротиворечивости правового регулирования общественных отношений, составляющих предмет отрасли, реализации функций данной отрасли права.

Как справедливо отмечает С.Н. Русин, «в доктрине экологического права уверенно набирает силу научная позиция о включении в предмет экологического права еще одной группы отношений – в области обеспечения экологической безопасности человека и иных объектов, экологическая безопасность которых обеспечивается государством»¹. Выделение в предмете экологического права данной группы общественных отношений с неизбежностью приводит к вопросу о правовых средствах, способах и методах обеспечения экологической безопасности. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть взаимосвязи правовых норм, чтобы оценить, насколько полно действующее экологическое законодательство создает правовую базу для обеспечения экологической безопасности. В данном случае как раз исследование взаимосвязей правовых норм позволяет определить наличие необходимости и направления совершенствования законодательства.

Обеспечение экологической безопасности представляет собой сложную задачу, включающую несколько подзадач. Одной из них следует признать обеспечение экологической безопасности новых технологий. В условиях инновационного развития Российской Федерации государство создает организационные и правовые условия

---

¹ Русин С.Н. Экологическая функция государства, экологическая политика и экологическое право // Экологическое право. 2017. № 4. С. 10–18.

для ускоренного создания и внедрения новых технологий. При этом все более остро встает вопрос об их экологической безопасности и необходимости предотвращения нанесения вреда окружающей среде при их использовании.

В действующем экологическом законодательстве (ст. 3 Закона «Об охране окружающей среды») закреплены принципы презумпции экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности и обязательности оценки воздействия на окружающую среду при принятии решений об осуществлении хозяйственной и иной деятельности. Однако при анализе положений законодательства об экологической экспертизе выявлено, что применительно к новым технологиям не обеспечивается предварительный контроль их безопасности для окружающей среды, если при внедрении таких технологий будет осуществляться воздействие на окружающую среду, не нормируемое в настоящее время техническими регламентами и законодательством. В соответствии с п. 5 ст. 11 Закона «Об экологической экспертизе» проекты технической документации на новые технику, технологию, использование которых может оказать воздействие на окружающую среду, а также технической документации на новые вещества, которые могут поступать в природную среду, являются объектами экологической экспертизы федерального уровня. Вместе с тем необходимо учитывать, что норма о перечне объектов применяется к экологической экспертизе (легальное определение закреплено в ст. 1 Закона об экологической экспертизе). В рамках экспертизы проводится оценка проектной документации только на соответствие требованиям, установленным техническими регламентами и законодательством в области охраны окружающей среды, в целях предотвращения негативного воздействия такой деятельности на окружающую среду. В связи с этим представляется необходимым уточнить порядок обеспечения экологической безопасности новых технологий, воздействие которых на окружающую среду пока не регламентировано. Необходим четко определенный порядок оценки рисков, связанных с внедрением новой техники и технологий.

И.А. Татаринцева, Т.А. Дедкова

СОХРАНЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ В РФ (ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ)

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 7 Земельного кодекса РФ в состав земель Российской Федерации входят земли сельскохозяйственного назначения. Нахождение указанной категории земель на первом месте обусловлено тем, что земля сельскохозяйственного назначения является одним из важнейших природных ресурсов, дающих возможность осуществлять сельскохозяйственное производство.

Анализ законодательства и судебной практики показывает ряд правовых проблем, связанных с сохранением сельскохозяйственных земель, в частности, следует выделить: отнесение земель к особо ценным; перевод земель из одной категории в другую; проблемы индивидуального землепользования.

Рассматривая правовую проблему связанную с отнесением земель сельскохозяйственного назначения к особо ценным землям, следует сказать о том, что законодательство не устанавливает никакого перечня критериев, исходя из которых происходит сохранение данной категории земель.

Стоит отметить, что наиболее полно обеспечивающим сохранение земель было законодательство СССР, которое четко определяло перечни земель, являющихся особо ценными, продуктивными и подлежащими особой охране, а также закрепляло принцип неуменьшаемости таких земель. Современное же законодательство хотя и закрепляет нормы, направленные на обеспечение государственной охраны земель сельскохозяйственного назначения, отличается слабой согласованностью, что выражается в несовершенстве федерального законодательства и как следствие приводит к несовершенству регионального законодательства и усложняет деятельность, связанную с сохранением и рациональным использованием указанных земель.

Исходя из сказанного, следует, что для обеспечения надлежащей охраны особо ценных сельскохозяйственных земель необходимо на законодательном уровне закрепить понятие «особо ценные сельскохозяйственные земли», выделить критерии их определения и обеспечить достаточное государственное финансирование мероприятий на сохранение количества и качества таких земель.

Второй правовой проблемой является проблема индивидуального землепользования. В частности, с принятием Федерального закона от 29.07.2017 № 217-ФЗ¹ возникла проблема разграничения понятий земельных участков, используемых для ведения личного подсобного хозяйства, а именно она выражается в том, что садовые и огородные земельные участки могут быть образованы из земель населенных пунктов или из земель сельскохозяйственного назначения, тогда как Закон «О личном подсобном хозяйстве»² устанавливает, что приусадебным земельным участком может быть только участок, расположенный в границах населенного пункта, а полевой земельный участок – только за границами населенного пункта. При этом стоит отметить, что понятия, приведенные в Законе № 217-ФЗ и законе «О личном подсобном хозяйстве», идентичны по своему содержанию, в связи с чем необходимо выработать единую позицию по определению указанных земельных участков.

Таким образом, стоит отметить, что принятые на сегодняшний день законодательные акты не решают вопросов по сохранению земель сельскохозяйственного назначения.

К.В. Часовских

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ: НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Согласно ст. 67 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие свою деятельность на объектах I, II, III категорий, обязаны разработать и утвердить программу производственного экологического контроля³ (далее – программа ПЭК).

---

¹ Федеральный закон от 29.07.2017 № 217-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 169. 2017. 02 августа.

² Федеральный закон от 07.07.2003 № 112-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О личном подсобном хозяйстве» // Российская газета. № 135. 2003. 10 июля.

³ Также о необходимости разработки программы ПЭК указано в ст. 31.1 рассматриваемого закона – проект программы ПЭК является составной частью

Программа ПЭК является важным локальным нормативным актом организации, разрабатываемым в целях обеспечения в процессе хозяйственной и иной деятельности выполнения мероприятий по охране окружающей среды, рациональному использованию и восстановлению природных ресурсов; соблюдения требований установленных законодательством в области охраны окружающей среды. Данная программа разрабатывается на период не менее одного календарного года (при необходимости она может быть пересмотрена¹).

Основные требования к содержанию программы ПЭК, сроки представления отчета об организации и о результатах осуществления производственного экологического контроля² определены в приказе Минприроды России от 28.02.2018 № 74 (следует отметить, что до утверждения данного приказа долгое время сохранялась правовая неопределенность в части содержания отчетности, данные предоставлялись в произвольной форме).

В соответствии с п. 1 Требований программа ПЭК должна разрабатываться и утверждаться по каждому объекту с учетом его категории, применяемых технологий и особенностей производственного процесса, а также оказываемого негативного воздействия на окружающую среду³. Также в соответствии с п. 9.1 Требований подраздел программы «Производственный контроль в области охраны атмосферного воздуха» должен содержать в том числе план-график контроля и план-график наблюдений.

заявки на получение комплексного экологического разрешения для объектов I категории.

¹ Например, в случае изменений в работе организации, приводящим к расширению или уменьшению перечня видов оказываемого негативного воздействия на окружающую среду, изменению его масштабов, получения результатов ПЭК, свидетельствующих о необходимости корректировки программы.

² Форма данного отчета утверждена приказом Минприроды России от 14.06.2018 № 261.

³ Также необходимо отметить, что для объектов I категории предусмотрено, что программа ПЭК в том числе должна содержать программу создания системы автоматического контроля или сведения о наличии системы автоматического контроля, созданной в соответствии с Федеральным законом от 10.01.2002 № 7-ФЗ.

Что же касается обязанностей лиц, владеющих объектами I, II, III категорий, то условно их можно разделить на следующие группы: 1) обязанность по разработке и утверждению программы производственного экологического контроля; 2) обязанность по осуществлению производственного экологического контроля в соответствии с требованиями законодательства в области охраны окружающей среды; 3) обязанность по документированию информации и хранению данных, полученных по результатам осуществления производственного экологического контроля; 4) обязанность по предоставлению отчета об организации и о результатах осуществления производственного экологического контроля (ежегодно до 25 марта следующего за отчетным года).

В случае нарушения требований законодательства в области производственного экологического контроля субъекты хозяйственной и иной деятельности могут быть привлечены к административной ответственности по ст. 8.1¹ 8.5² Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

---

¹ Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 05.07.2019 по делу № А12-8497/2019 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://arb.consultant.ru> (дата обращения: 25.02.2020).

² Постановление Верховного Суда РФ от 19.07.2019 № 18-АД19-29 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://arb.consultant.ru> (дата обращения: 25.02.2020).

НАШИ АВТОРЫ

Аракчеев Виктор Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент.

Берглезов Алексей Николаевич – старший преподаватель кафедры трудового права и социального обеспечения Сибирского университета потребительской кооперации.

Боловнев Михаил Алексеевич – доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса юридического института Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук.

Болтанова Елена Сергеевна – профессор кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Васильев Игорь Валерьевич – доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения лечебного факультета Новосибирского государственного медицинского университета Минздрава России, кандидат медицинских наук.

Воронкова Екатерина Родионовна – доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Института философии и права Новосибирского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Галковская Наталья Георгиевна – заведующая кафедрой гражданского процесса Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Гончарова Валерия Андреевна – ассистент кафедры гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Горелкин Алексей Геннадьевич – доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения лечебного факультета Новосибирского государственного медицинского университета Минздрава России, кандидат медицинских наук.

Грушевский Иван Васильевич – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Сибирского института управления – филиала РАНХиГС.

Дедкова Татьяна Анатольевна – доцент кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.

Демидов Николай Вольтович – доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Дубровская Юлия Валерьевна – исполнительный директор ООО Юридическая компания «Дубровская и Плеханова».

Зацепин Денис Евгеньевич – соискатель кафедры гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Зеленина Анна Юрьевна – старший преподаватель кафедры трудового права и права социального обеспечения Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.

Зиновьев Константин Сергеевич – доцент кафедры гражданского права Сибирского университета потребительской кооперации.

Имекова Мария Павловна – доцент кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.

Кассихина Любовь Алексеевна – кандидат юридических наук.

Кляус Николай Валерьевич – доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат юридических наук, доцент.

Князев Дмитрий Владимирович – зав. кафедрой гражданского процессуального права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, доцент, кандидат юридических наук.

Козьякова Елена Анатольевна – преподаватель кафедры гражданского права и процесса Алтайского филиала РАНХиГС.

Копылов Андрей Юрьевич – старший преподаватель кафедры гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Кузьмина Валентина Алексеевна – помощник судьи Седьмого арбитражного апелляционного суда, ассистент кафедры гражданского процесса Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Лебедева Ксения Юрьевна – специалист отдела обобщения судебной практики Арбитражного суда Томской области, кандидат юридических наук.

- Матвеев Павел Александрович** – старший преподаватель кафедры социальной работы и социального права филиала Российского государственного социального университета в г. Клин Московской области.
- Мельникова Валентина Григорьевна** – доцент кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Пашкова Галина Георгиевна** – заведующая кафедрой гражданского процесса Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; кандидат юридических наук, доцент.
- Плеханова Людмила Николаевна** – доцент кафедры гражданского права и процесса Сибирского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук.
- Пятков Дмитрий Валерьевич** – доцент кафедры гражданского права юридического института Алтайского государственного университета.
- Рехтина Ирина Владимировна** – доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Юридического института Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Романова Александра Николаевна** – помощник судьи Арбитражного суда Томской области, ассистент кафедры гражданского процесса Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Рябинин Николай Александрович** – доцент, начальник кафедры гражданского права и процесса Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
- Скутин Александр Федорович** – профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.
- Татаринцева Инга Александровна** – доцент кафедры гражданского права, Западно-Сибирского филиала РГУП, кандидат юридических наук.
- Терди Екатерина Сергеевна** – доцент кафедры гражданского права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.
- Терехова Лидия Александровна** – заведующая кафедрой гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, доктор юридических наук, профессор.

- Ткаченко Елена Владимировна** – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Сибирского государственного университета путей сообщения.
- Токарева Елена Владимировна** – доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат юридических наук.
- Часовских Кристина Викторовна** – старший преподаватель кафедры информационного права Юридического факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.
- Чуприн Михаил Геннадьевич** – старший преподаватель кафедры ИННЛС ПОД УИС ФКУ ДПО Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, подполковник внутренней службы.
- Чурилов Алексей Юрьевич** – аналитик Научно-образовательного центра «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права» Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Шальнева Ольга Петровна** – ассистент кафедры гражданского процесса Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Шерстяных Александра Сергеевна** – доцент кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России, кандидат технических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Гончарова В.А. Способы защиты прав и законных интересов участников сделки при недействительности ее части	3
Горелкин А.Г., Васильев И.В. Недостаток медицинской услуги: коллизия частноправового и публично-правового регулирования сферы здравоохранения	5
Грушевский И.В. Теоретико-правовые проблемы кодификации международного частного права	6
Зацепин Д.Е. Залог обязательственных прав: проблемы теории и практики	8
Зиновьев К.С. Правовая природа рисков, связанных с производными финансовыми инструментами	10
Козьякова Е.А. К вопросу о гражданско-правовой ответственности медицинских организаций за вред, причиненный пациентам в ходе оказания медицинской помощи	12
Копылов А.Ю. Вопросы определения размера компенсации за незаконное использование персонажа художественного произведения	14
Матвеев П.А. Функции семейного и гражданского права: общее и различия	16
Пятков Д.В. Когда прекращается гражданская правоспособность? (Два похода к пониманию ст. 17 ГК РФ)	18
Терди Е.С. Проблемы защиты договорных преимущественных прав в контексте реформирования положений о ЕФРС	20
Ткаченко Е.В. Вспомогательные черты железнодорожно-инфраструктурного договора в корреляционном взаимодействии с перевозочным обязательством	22
Чуприн М.Г. К вопросу о соотношении норм публичного и частного права в законодательстве о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд	24
Чурилов А.Ю. Проблемы охраны программ для ЭВМ	25
Шерстяных А.С. Об определении размера компенсации морального вреда, причиненного террористическим актом (системный подход)	27

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС; АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Боловнев М.А. Предпосылки повышения эффективности правосудия	30
Галковская Н.Г. Судебная медиация & судебное примирение	34
Кляуз Н.В. Новые обстоятельства для пересмотра судебного решения, вступившего в законную силу	36
Князев Д.В. О причинах кризиса в гражданском процессе США второй половины XX – начала XXI в.	38
Кузьмина В.А. Право лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, на обжалование судебных актов, принятых по делам о банкротстве	40
Лебедева К.Ю. Некоторые особенности рассмотрения споров о защите интеллектуальных прав в арбитражных судах	42
Плеханова Л.Н., Дубровская Ю.В. Тенденции судебной практики по искам о защите прав пациентов	44
Рехтина И.В. Проблемы применения правовой определенности в гражданском процессе	46
Романова А.Н. Влияние претензионного порядка на сроки исковой давности в арбитражном процессе	50
Скутин А.Ф. Возбуждение производства по иску в защиту прав и законных интересов группы лиц	52
Терехова Л.А. Гражданская процессуальная форма и административное судопроизводство	54
Токарева Е.В. Раскрытие доказательств как этап судебного доказывания в гражданском процессе	58
Шальнева О.П. Применение современных образовательных технологий при обучении дисциплине «Гражданский процесс»	60

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Аракчеев В.С. Социальная справедливость социального обеспечения в современной России	62
Пашкова Г.Г. К вопросу об индексации и перерасчете страховых пенсий работающим пенсионерам	64
Демидов Н.В. Подчинение работника работодателю как признак трудовых отношений	66
Зеленина А.Ю. Проблемы субъектного состава правоприменительной деятельности в области социального обеспечения	68

Берглезов А.Н. Пенсионное реформирование в Российской Федерации: проблемы применения	70
Рябинин Н.А. Особенности самозащиты работником трудовых прав	72
Кассихина Л.А. Компетенция правительства и законодателя в отношении специального стажа	74

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ, ЗЕМЕЛЬНОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЕ ПРАВО

Болтанова Е.С. Эколого-правовой механизм и «наилучшие доступные технологии», «новые технологии» в российском законодательстве	77
Воронкова Е.Р. Стадии дисциплинарного расследования по трудовому законодательству Великобритании	79
Имекова М.П. Понятие экологического саморегулирования	80
Мельникова В.Г. Правовой режим новых технологий в структуре экологического права	83
Татаринцева И.А., Дедкова Т.А. Сохранение сельскохозяйственных земель в РФ (правовые вопросы)	85
Часовских К.В. Производственный экологический контроль: новеллы законодательства	86
Наши авторы	89

Научное издание

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 85

Сборник статей

Редактор Н.А. Афанасьева
Компьютерная верстка А.И. Лелою
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 26.11.2020 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 6. Усл. печ. л. 5,5. Тираж 500 экз. Заказ № 4374.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978–5–94621–949–5

9 785946 219495